

Внимание местным здравицам!

От Свердловска до Москвы идет добрая молва о Молтаевской колхозной здравнице... Было это еще перед Великой Отечественной войной. Со дня озера Молтаево, которое покосило среди уютной колхоза «Закладный боец», рыбаки черпали грязь, по-местному «сиому». Колхозный фельдшер успешно лечил ею болезни суставов и кожи. А после войны колхозники отделили под здравницу дом, поставили плиту для подогрева грязи, установили душ, приобрели одеяла, простыни, и все тот же местный фельдшер успешно вылечивал гастриты, язвы, различные наложные болезни. Молтаевскую грязь брали на исследование в специальную лабораторию, и местные жители вскоре узнали, что это не просто «сиома», а особый целебный вид грязи, именуемый сапропелем. Так в тысячах давно открытых и уже обследованных в нашей стране лечебных мест прибавилось еще одно — Молтаево на Урале.

Лечебное место — это еще не санаторий, не курорт. Но почему бы не создать в Молтаево для трудящихся Урала большой хорошо оборудованный курорт? Благо, рядом с Молтаево — живописные берега реки Реж, а неподалеку — железнодорожная станция Самоцвет. Инициатива свердловских организаций встретила самую горячую поддержку. В целях улучшения санаторно-курортного обслуживания трудящихся Урала было решено создать на базе Молтаевского озера курорт с группой санаториев на тысячу мест. Определены сроки для окончания проектных работ — 1950 год. Определены были и министерства, которые должны принять долевое участие в строительстве местной здравницы...

И все-таки, хотя на проектирование Молтаевского курорта уже затрачены сотни тысяч рублей, а по срокам пора бы близ станции Самоцвет поднимать корпусам, до сих пор еще нет даже окончательно утвержденного проекта этого курорта. Почему?

В Министерстве бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР отвечают:

— Министерство не отказывается от долевого участия в этом строительстве. Но как там обстоит дело, не знаем. Мы сейчас целиком заняты постройкой санатория в Ессентуках...

В Министерстве лесной промышленности СССР аналогичный разговор:

— Молтаево?... Не помним, надо выяснять... Мы сейчас форсируем санаторий-дворец в Мисюре. В будущем году будем сооружать санаторий в Сочи. Уже и проект готов...

Такое, к сожалению, практика. Министерство угольной промышленности СССР, имеющее прекрасный санаторий в Сочи и уже запроектировавшее строительство санатория в Ялте, плохо занимается созданием местного курорта близ Усть-Качки на Каме, где целебные источники посылые мадестинских. На нижней и средней Волге нет — и даже не создается! — ни одного ведомственного курорта.

Беда в том, что во многих министерствах и ведомствах еще не отказались от представления о так называемых местных курортах как о курортах второго сорта. Только потому уже много лет безуспешно добиваются помощи и поддержки и один из старейших в стране курортов — Сергиевские минеральные воды Куйбышевской области, и санатории Старой Руссы, и Уральские грязелечебницы у озера Медвежье и Горькое, и Белокурица на Алтае, и Липецк, и десятки других замечательных местных курортов.

Такое положение находится в явном противоречии с насущной необходимостью ускорения уже существующих и создания новых местных здравниц.

Страна наша богата огромным количеством высокоополценных лечебных мест. Их надо осваивать. Постановлением правительства о развитии санаторной сети предусмотрено создание местных здравниц в центральных и северных районах страны,

на Урале и в Сибири, на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Со дня принятия этого постановления прошло три с лишним года. Сумею ли с тех пор Министерство здравоохранения СССР добиться от ведомств осуществления намеченных мер? Сократились ли далекие и утомительные переезды больных и отдыхающих из северных и восточных районов на юг? Исполняются ли разумно, по-хозяйски местные лечебные факторы? Ведь именно эти цели преследует создание разветвленной системы местных курортов.

Бажый год вступают в строй новые здравницы. Это хорошо! Но на большой карте, что висит в кабинете начальника Главного курортно-санаторного управления Министерства здравоохранения СССР тов. Серенко, флажки, обозначающие новые санатории, появляются в одних и тех же местах — на Кавказе и в Крыму. Развитие местных курортов идет медленно, и в министерстве знают об этом. Что же мешает добиться перелома в таком важном деле, затрагивающем интересы самых широких слоев народа?

Мешает в первую очередь позиция немешательства, занятая Министерством здравоохранения СССР. Его содержательная роль не выдерживает никакой критики и не может быть оправдана никакими причинами. Занятость преимущественно только «своей» и опытной южной группой санаториев, Главного курортно-санаторного управления, по существу, устранило от руководства местными здравницами. Кто же как не Министерство здравоохранения и его органы должны проявлять усердие и настойчивость в борьбе за реализацию постановления правительства о л в с е м е с т н о м развитии курортного дела?

Необходимо организовать широкую пропаганду значения местных лечебных факторов и местных здравниц — в печати, по радио, в кино, в лекциях и беседах. Эта пропаганда, очевидно, должна вестись и среди медицинских работников, рекомендуемых наилучшие места лечения и отдыха трудящимся, и среди самых широких кругов населения.

Ничто не должно — да и не может — поколебать прочную репутацию наших южных курортов. Черноморье было и остается всеосезонной здравницей. Но разве это помеха тому, чтобы волжане знали: Сергиевские минеральные воды не хуже мадестинских; чтобы сибирякам было известно: лечение на курорте Дарасун (Читинская область) принесет им не меньше пользы, чем лечение в Кисловодске.

О курорте Боровое в Северном Казахстане специалисты говорят и пишут, что это один из самых живописных уголков нашей Родины, что природа словно специально собрала в этом заповеднике столько чудесных лечебных даров. Но можно, не опасаясь власти в ошибку, утверждать, что даже многие жители близлежащих Боровому районов не знают об этом чудесном курорте и вынуждены предпринимать далекие поездки через центр страны на юг.

Польза мириться и с таким положением, когда жители Сибири для лечения в местном санатории должны получать путевки из московской конторы республиканского санаторно-курортного управления. Почему бы Министерству здравоохранения, по примеру ВЦСПС, не создавать кустовые (для ряда областей) конторы на местах?

Нет в мире страны, которая была бы так богата самыми разнообразными и высокоценными лечебными источниками, как наша страна. И нет в мире государства, где бы правительство так заботилось о здоровье народа, как заботится наше советское правительство. Только в послевоенной пятилетке на здравоохранение были ассигнованы десятки миллиардов рублей. Успехи народного здравоохранения в нашей стране огромны. Но они не должны заслонять и те недостатки, которые еще имеются в этой области. Слабое развитие местных здравниц — один из таких недостатков.

Задача заключается в том, чтобы местные здравницы заняли подобающее им место.

Внимание и поддержку местным здравницам!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 96 (2969)

Суббота, 9 августа 1952 г.

Цена 40 коп.

МОРСКАЯ БРАТСТВО

Владимир РУДНЫЙ

Завтра, в праздничный день, когда на кораблях Советского Союза звонятся пестрые флаги расцветивания, многие из нас, служащих на флоте, наденут белые кители или черные тулупы с жарко надрезанными плечами в якорях и аккуратно заштопанными дырками от погон и вспомнят дни и годы, прожитые в родной корабельной семье.

Вспомним города-герои, запечатленные в бронзе медалей; вспомним раскаты залпов орудий Федора Поноченного над скалами полуострова Рыбачий, походы Лунина и Колышкина в утробном и стыдом море Баренца, дерзкие рейды разведчиков Леонида в фидоры Норвегии и в бухты Кореи, десанты Куникова и Ботанова; вспомним волжскую переправу в Сталинграде, Балтику, начиненную минами, дунайские походы и миссии Тихий океан, где тысяча миль считается не расстоянием для моряка.

Вспомним суровую и дружную жизнь на эсминцах и бронекатерах, на кайлоках и охотниках, вспомним матросов на берегу, морскую нехоту в снегах под Москвой и у подножья черного хребта Муста-Туунтури, вспомним и поднимаем чаши за героическими погибших и за живых, за тех, кто в море, и за тех, кто трудится теперь на берегу, за все наше славное морское братство. Мы не забудем дни, когда это братство советских людей проверялось огнем и кровью.

Осенью 1941 года маленький матросский гарнизон оборонял скалистый остров Осмуссар между Ханко, старым петровским Гангутом, и Таллином. Германский флот предпринял матросам ультиматум: если они хотят жить, они должны к определенному часу поднять над маяком белый флаг. Это происходило в трудные дни ноября. В те дни до сердца каждого матроса дошел сталинский приказ: «Пусть осеит вас победоносное знамя великого Ленина!». Все флаги, всю красную материю, что только была на острове, собрали матросы. А когда им показалось, что красной материи мало, они смочили простыни и тельняшки кровью раненых. Огромное багровое знамя, шитое из кусков, поднялось над башней маяка и затрепетало на ветру, рядом с бесчисленным советским военно-морским флагом... Шквал огня не смог сломить матросской стойкости.

В атмосфере подобной дружбы и святой преданности долгу жить и бороться весь гарнизон Гангута, которому я посвятил повесть «Гангутьца». В повести действуют герои подлинные и вымышленные. Но за каждым, даже вымышленным именем стоит живые и дорогие нам люди. По-разному сложились судьбы участников обороны Ханко. Но никто из них в трудную минуту не дрогнул...

В канун Дня Военно-Морского Флота мы хотели бы продолжить рассказ о некоторых героях-гангутьцах.

Любимый гангутьцами капитан Борис Митрофанович Гранин после ухода с полуострова командовал в Ленинграде артиллерийской частью. В срок третьем году на Нарвской заставе, на чердаке многоэтажного дома в новом поселке Автово, достроенном лишь после войны, Гранин устроил свой наблюдательный пункт. На третьем этаже того же дома находился его штаб — «Квартира Гранина». В солнечные августовские воскресенья, поднимая над Петергофом аэростат с корректировщиком, гитлеровцы начали злодейский обстрел трамвайных остановок в Ленинграде. Было убито до тысячи мирных граждан.

Высшее командование приказало балтийским артиллеристам найти и уничтожить эти злодейские фашистские батареи. Приказ выполнял Гранин. С чердака дома за Нарвской заставой он руководил боем. Я помню, как задрожал он всем телом, когда, оторвавшись на секунду от стереотрубы, простым глазом увидел детей впереди на огородах, между нами и немцами трамваями. Светился «вояжище» и «сходящие» снаряды. А дети, бесстрашные ленинградские ребята, под огнем копались в грядках, добывая картошку. Гранин, человек, не склонный к громкой фразе, любящий во время боя пошутить, крикнул в телефонную трубку неожиданно хриплым и злым голосом: «По прагам Родины — огонь!». Крикнул так, что его необычное волнение, весь накал его широкой и страсти...

Андрэ СТИЛЬ

Теперь всем ясно, что «утка с голубями» оказалась слишком тяжелой, чтобы ее улететь далеко... Освобождение большого числа патриотов в последние дни подтверждает значение основной победы, достигнутой нами, — правительство было вынуждено вынудить на свободу Жака Дюкло. Это свидетельствует о том, что планам правительства, стремящегося к фашизации страны, нанесен серьезный удар.

Когда Риджуэй прибыл в Париж, власти оказались еще в борьбе за мир, за хлеб, за национальную независимость, что здравый смысл и воля сорока миллионов французских могут быть подчинены произволу какого-нибудь Бейло, или Брюна, или Мартино-Денла.

Но теперь господин Риджуэй, если он понимает по-французски, может составить об этом свое собственное мнение. Доклады совершенно обратные: обильные действия народа способны разбить самые чудовищные замыслы врагов нашей родины, добиться того, что все эти гадообразные обернутся против самих же заговорщиков. Последнее это великолепно знают. Вот почему поражения, которые были им нанесены, делают их еще более испуганными.

ной души, как электрический ток, передавался каждому матросу — на батарею, соединенные общей телефонной связью. Гранин, уже полковник, миновал ее, но по непониманию многих моряков общеполком вокруг Кремля, навестил родственников погибших матросов, потом снова сел в поезд и отправился в Ленинград, славить экзамен на заочное отделение в высшее учебное заведение.

После экзаменов Гранин поехал за Нарвскую заставу. Он нашел там свою штабквартиру военного времени — в нее вернулись хозяева, семья старого рабоче-корабельного Рослякова. Гранин пошел на огородах. Где теперь ребята, которые копались тогда под огнем в межфлотурбинной на ленинградских заводах, другие учатся в вузах или плавают матросами. Вот ради их жизни, ради их будущего он воевал!

Недавно в одном училище встретились люди трех поколений революции. Герой Советского Союза генерал-лейтенант Николай Павлович Симоняк представлял старшее поколение: в годы гражданской войны служил он в Дербентском полку и в сотнях Ивана Бочубея. За Ханко полковник Симоняк командовал пехотинцами. Из ханкой была сформирована дивизия, вскоре получившая звание гвардейской. Гангутьская дивизия участвовала в прорыве блокады Ленинграда. В час, когда Симоняк вел репашинский бой, на командный пункт принесли радиогруппу о гибели пассажирского самолета, в котором летели через фронт его жена и сын. Через несколько часов гвардейцы пробрили фашистский фронт. Гангутьцы дошли до далеких берегов Южной Балтики. Симоняк воевал на Одер-Молодых курстант, будущим морским офицером, он рассказывал о боевой дружбе нехоты и флота, о том, каким верным помощником солдата был в эту войну матрос.

После генерала на трибуну поднялся человек с обожженным лицом, в выдавшем морском кителе — летчик Леонид Белоусов, названный мною в повести Белоусов. Он оборвал еще в финскую войну. Враги сдали ему сорок восемь пластических операций, нарастали брови, губы, нос, но он не делался и в повязках ударил из госпиталя на фронт.

После Ханко Белоусов во главе гангутьских летчиков прикрывал ледовую дорогу на Ладоге. В одном из боевых полетов он оборвал ногу. Время было настолько напряженным, что Белоусов решил остаться в строю. Только спустя несколько недель полковой врач заметил, что командир полка с трупом вываливается из самолета и никогда не снимает сапог. У Белоусова началась гангрена. Его силой эвакуировали в Ала-Ату. В госпитале профессор сказал ему, что нужно отрезать правую ногу.

— Ни за что! — воспротивился Белоусов. — Мне надо летать.

— Вы предпочитаете умереть?

— Я смерти не боюсь. Я ее видел.

— А мы обязаны спасти вашу жизнь.

Белоусов отрезал правую ногу до бедра. Он написал в полях: «Скорее домой, на Балтику. Буду летать и с одной ногой!»

И снова боль. Пришлось ампутировать и вторую ногу. И так, два протеза. Тайком от жены и дочери, которые находились все время рядом с ним, Белоусов уехал в Ленинград. Его встретили старые соратники — комиссар Сербия и начальник штаба Райтберг.

— Хоть сторожем, только на аэродром! — просил Белоусов.

Комиссар взял его за плечи, посмотрел в упор в глаза — упрямые, жуткие, единственно живые, что вечно горело на изуродованном лице летчика.

— А ну, садись в кресло... Дай-ка сюда свои деревняшки. Уприси мне в живот. Так. Толкая левой... Хорошо... Дыгай правой.

Тяжело дыша, Белоусов то левым, то правым протезом больно толкал комиссара в живот. А тот словно не чувствовал боли, улыбался и приговаривал:

— Так... Хорошо... Ты же балтийский сокол. Будешь летать! Белоусов успел принять участие в тридцати сражениях. После одного группового боя он благополучно посадил свой поврежденный самолет на аэродром... Летчики всегда охраняли и прикрывали его в бою. На земле, рядом со стартом, они построили дощатый палат, чтобы Белоусову было и легче было добираться по тропе до самолета. Кончилась война, Белоусов стал обучать молодежь в аэроклубе...

Когда он поднялся из-за стола президиума, чтобы пройти к кафедре, в зале учителя наступила такая тишина, что слышен только один звук — стук палок, на которые, передаваясь, опирался безногий летчик. Он сказал, обращаясь к младшему поколению:

— Когда-то вот в таком же или похожем зале Одесского военного училища сидел курсант Белоусов и слушал рассказы соратников Шора, Котоского, Чапаева. Это их мужество помогло мне сделать то, что я сделал на войне... Пока у меня есть руки, голос, глаза, сердце, я могу принести пользу, я хочу служить народу!

И еще об одном человеке я хотел бы рассказать — это о матросе-десантнике Борисе Бархатове из «детей капитана Гранина». Ему Гранин вручил пистолет погибшего лейтенанта Анатолия Фетисова. Бархатов проносил это почетное оружие через всю войну. День Победы он встретил в море у лейтенанта и командира траулера. Много месяцев он переплывал на своем корабле Балтику, квадрат за квадратом очинял от мин. Удья в запас, Бархатов вернулся к своей гражданской профессии электрика. В Тосненском райкоме партии Бархатов состоит вешатным пропагандистом. Сейчас он ведет в Тесло философский семинар повышенного типа.

Мы сидели на набережной воле Летнего сада, когда из узкой Лебяжьей канавки в широкую Пену вышла длинная вереница шлюпок; кильватерным строем они направились к селу «Арпоре», навсегда опарившейся в море Петропавловской крепости.

— Нахмыловцы оморачиваются! — глаза Бархатова загорелись, из-под шляпы выбыла непокорный хохолок, точно такой торчал когда-то из-под бескозырки, и снова Бархатов стал похож на того юного и горючего матроса, каким я его знал на острове Хорсен.

— А ты знаешь, Борис, кто сидит на одной из этих шлюпок? Сын Алексея Касьяновича Антонова! Он перешел в десятый класс Нахмыловского училища.

— А Борис, сын отряда? Наверно, в третий класс пошел?

— В четвертый... — речь шла о сыне Лобы и погибшего матроса Ларина, названного мною в повести Александром Богдановым. — Он в Лябве живет.

Мы вспомнили Алексею Гриденко, балтийского орленка, названного в повести Горденко. От Кронштадта он дошел до Берлина, вернулся капитан-лейтенантом и теперь плавает на кораблях. Вспомнили Федора Пинорована — начальника гранинского штаба, Степана Томилова — комиссара. Вспомнили Бориса Павловича Пророкова — гангутьского художника и породавшего его двум Сталинским премиям, полученным после войны. Бархатов вынул записную книжку:

— Помнишь еще в отряде мою страсть вести записки. Пропангандисту это необходимо. Вот Волго-Дон построили... У меня все моряки знаменитые переписаны. Много было флотских среди строителей.

— Там были и гангутьцы, Борис, — сказал я, вспоминая недавно полученное письмо от сапера Анатолия Репни. Репня, к концу войны раненный в правую руку, так развил левую, что добился в военкомате признания слова «годным», ушел в армию; потом работал на строительстве Волго-Дона, бетонировал откосы. — Пишет: сберег памятку, которую вручал полтотлет при погрузке на корабль...

— А у меня пропала, — вздохнул Бархатов. — Мы на mine подорвались, тонуть я. Разомла паметка. Но строчки оттуда — стихи Миши Дудина, помню: «Друг в друга вера, спаянная кровью...»

ЛЕНИНГРАД

Международные отклики

ЗНАКОМАЯ «ГЕОМЕТРИЯ»

Только на днях стали известны подробности переговоров, которые вел в мае этого года в Мадриде бывший рейскандлер и военный преступник фон Папен с Франко. Подобная задержка не вызывает удивления: переговоры носили строго секретный характер. Несмотря на это, сведения о них все-таки «просочились» теперь в печать.

Что же, спрашивается, привело материю гитлеровской разведки в Мадрид? Французская газета «Либерасьон» поясняет, что темой переговоров, которые вел с Франко, являлось предложение Бона до заключения... германо-испано-турецкого военного союза. Впрочем, легко догадаться, что «идея» подобного союза принадлежит американским империалистам, агентом которых ныне является фон Папен, и которые, унаследовав гитлеровскую терминологию, твердят ныне о защите «европейской цивилизации».

По сообщениям печати, фон Папен заявил генералу Франко, что французские и итальянские солдаты с политической точки зрения мало надежны. «Американцы начинают понимать, — якобы сказал он, — что создание европейской армии является полумерой. Нельзя создать армия из пяти наций...» (Имеется в виду пять стран членом так называемого «европейского оборонительного сообщества», включающая Западную Германию, — Франция, Италия и страны Бенилюкса. — Лит.). Посему, как явствует из признаний фон Папена, Вашингтон «рассматривает Западную Германию, Испанию и Турцию как наиболее надежные силы»...

При этом деле, оказывается, не только в том, чтобы превратить территории этих стран в военные плацдармы США, а их народы превратить в новые военные авантюры. Империалистам этого мало. Они рассчитывают использовать немецких реваншистов, испанских фашистов и турецких янычар для расправы с народами Франции, Италии и других европейских стран, не желающих проливать кровь за интересы толстокожих Уолл-стрит. Гитлеровский приспешник фон Папен признался, оказавшись, палачу Франко, что по мнению правых кругов США, «Европа нуждается в стальном поясе... и мы должны создать этот пояс».

Итак, укол-стритовские хозяева требуют от своих выморочившей оккупировать Западную Европу фашистским «стальным поясом». Пентагону нужны новые авиационные, которые погналы бы рядовых французов, итальянцев, бельгийцев, голландцев, люксембургцев на бойню во имя прибылей американских монополий.

Попытка бонских реваншистов возродить военной союз с Франко является прямым продолжением политики американских поджигателей войны, которые давно уже усиленно «опекают» фашистского диктатора. Об этом, в частности, свидетельствуют продолжающиеся уже в течение некоторого времени переговоры между США и Испанией, в результате которых, по сообщению Швейцарского телеграфного агентства, «американские стратеги считают необходимым израсходовать 1 миллиард долларов на обучение и оснащение испанской армии»... Как выясняется, за фактическое включение испанской армии в агрессивный Атлантический блок генералу Франко обещаны и кое-какие «территориальные компенсации», разумеется, за счет владений Англии и Франции...

Все эта закулисная дипломатическая возня со «стальным поясом» фашистских союзников, призванная укрепить непрочно «единство» Атлантического блока, говорит лишь о дальнейшем обострении противоречий в стане империалистов. В то же время заокеанские реставраторы разбитых гитлеровских «осей» и «треугольников» лишь еще более разоблачают в глазах народов агрессивную сущность своей политики.

ЛИТЕРАТУРА

КАФЕДРЫ ЖУРНАЛИСТИКИ

В Московском университете с нового учебного года организуется факультет журналистики с двумя отделениями: газетным и редакционно-издательским. Ежегодно он будет принимать 125 студентов. В Ереванском и Вильнюсском университетах создаются кафедры журналистики. В предстоящем учебном году подготовка журналистов будет вестись в тринадцати университетах страны — Азербайджанском, Белорусском, Казахском, Ленинградском, Киевском, Уральском и других. В Вильнюсском университете откроется кафедра библиотековедения.

Водный праздник в Химках

Завтра — День Военно-Морского Флота СССР. Сегодня в Москве, в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха имени А. М. Горького, состоится торжественное собрание, посвященное празднику. Военные корабли, стоящие на Москворецкой набережной, будут подняты на флаг. Праздничные флаги расцветивания, а вечером на них загорят огни иллюминации.

На Химкинском водохранилище завтра состоится большой водный праздник. Ленинградское шоссе от Белорусского вокзала до водной станции «Динамо» украсится флагами и лозунгами. Праздник начнется в 12 часов дня. Он откроется парадом военных кораблей — бронекатеров, тральщиков, охотников за подводными лодками, торпедных катеров. Парад завершит салютом кораблей. После парада перед трибунами водной станции пройдет группа катеров, несущих Государственный флаг и военно-морские флаги СССР.

Присутствующие на празднике увидят инсценировку высадки морского десанта. В программу праздника включен показ полета вертолетов конструкции инженера

Театр города-героя

СТАЛИНГРАД. (Наш корр.). Спектакль «На дне» открылся в начале августа восстановленный и реконструированный Сталинградский драматический театр имени А. М. Горького. Стройная громада театрального здания, выполненного в классических формах по проекту архитектора Н. Куренного, — одно из лучших украшений города-героя. Торжественная колонида главного фасада обращена к площади Павших Борцов. Поднявшись из вестибюля по парадной мраморной лестнице, украшенной высокими светильниками, зрители входят в центральный зал, откуда можно пройти в зрительный зал и в два боковых фойе.

Фойе украшены зеркалами и люстрами из хрусталя, оправленного в бронзу. На потолках — орнаментальная лепка. На втором

Колова. Морские летчики т.т. Градошко и Ефремов продемонстрируют перед зрителями прыжки влета и посадки на воду, на пирс (плывучий мостик), а также на палубу идущих бронекатеров.

После полета вертолетов состоятся шлопные гонки, в которых примут участие шестивесельные и четырехвесельные ялы, управляемые военными моряками, и членами Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту — ДОСААФ.

Большой интерес представляет традиционный массовый заплыв, в котором будут участвовать многие сотни пловцов военно-морских сил, московских спортивных организаций и ДОСААФ. Они плывут с маленькими цветными воздушными шариками.

Затем на водной станции «Динамо» начнутся состязания в плавании различными стилями на дистанции в 100 и 200 метров.

В программу праздника включены также эстафета с препятствиями, прыжки в воду, в которых примут участие лучшие спортсмены. Будет разыгран близи-турнир ватерпольных команд.

Над сценой — большое панно на тему «Дружба народов Союза ССР». На подлукте, в центре — портрет А. М. Горького, имя которого носит театр.

Сцена оснащена совершенным оборудованием, представляющим большие удобства для работы творческого коллектива.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Эти люди всеми силами стараются не допустить полного краха своих замыслов и оккупировать их вновь при первой возможности.

Вот почему еще не все заключенные патриоты выпущены из тюрем, хотя если сравнить «обвинительные пункты», предъявленные им, с «обвинениями», выдвинутыми против их товарищей, которые сейчас уже на свободе, станет понятно, что борются за мир держат в тюремных камерах без вины на то основаны.

Совершенно ясно, что если даже г-н Брюн положит — одна на другую — сто своих рубашек *, то и он все равно не составит полноценного лосе... И все же, несмотря на это, сотнями тысяч всяких бумажек с тем, чтобы создать видимость «следствия», с тем, чтобы иметь право занять: выпущенные из тюрем освобожденные «временно».

Следствие уверяет, что оно обнаруживает все «новое» и все более «серьезные» улики. Ничего страшного от провала версии о «столковом заговоре», следователи принимают проводят наша партия, внедряется в вину всем, что с нею согласен. Следователи теперь ведут допросы по поводу выступлений, статей и записанных книжек членов политбюро и других руководителей работников коммунистической партии Франции. С инквизиторским видом они требуют «объяснений» даже по поводу заявления Мориса Тореза, которые несколько лет тому назад получили широкую огласку.

Итак, не надо создавать себе иллюзий. Правители Франции стремятся как можно быстрее вызвать войну и считают, что для этого необходима фашизация страны. Путем репрессий они расчищают оккупированный народ корпорации и прекращают борьбу против нынешнего существования, на которое его обрекает гибельная политика нынешнего правительства. В такой момент, когда блф Пина с внутренним злостью и пожиманием плеч провалился и стало возможным скрыть новый рост налоговых тягот, а также все ухудшающееся положение населения, в такой момент, когда

Многие публикуют сегодня статью французского писателя-патриота Андре Стиля — его первое выступление на страницах газеты «Юмание» после освобождения из тюрьмы.

звали на подмогу различные коммунистические группы». Наконец, политика национальной независимости и мира, внедряется в вину всем, что с нею согласен. Следователи теперь ведут допросы по поводу выступлений, статей и записанных книжек членов политбюро и других руководителей работников коммунистической партии Франции. С инквизиторским видом они требуют «объяснений» даже по поводу заявления Мориса Тореза, которые несколько лет тому назад получили широкую огласку.

Итак, не надо создавать себе иллюзий. Правители Франции стремятся как можно быстрее вызвать войну и считают, что для этого необходима фашизация страны. Путем репрессий они расчищают оккупированный народ корпорации и прекращают борьбу против нынешнего существования, на которое его обрекает гибельная политика нынешнего правительства. В такой момент, когда блф Пина с внутренним злостью и пожиманием плеч провалился и стало возможным скрыть новый рост налоговых тягот, а также все ухудшающееся положение населения, в такой момент, когда

Риджуэй отправился в Грецию, продолжая осматривать будущие европейские фронты, — в такой момент политика нищеты и войны прибегает к помощи тюрем.

Все дело именно в этом, а отнюдь не в преследовании одних только коммунистов. Тем бы вы ни были, но если вы хотите, чтобы ваш ребенок ел не совсем сухой хлеб, и предпочитаете свой дом воронке от разрыва бомбы, — вы делаете приятными к тому «коммунистическому заговору», до обвинению в котором были арестованы и такие патриоты, как католик Раймон Вилье. Правители Франции хотят получить возможность в дальнейшем преследовать тех, кто выражал малейшее несогласие с политикой войны, преследовать их за «сообщничество» с коммунистами. Уже сейчас честные люди, которые во всем этом деле показали себя сторонниками правды и справедливости, подвергаются оскорблениям и репрессиям.

Опасность продолжает существовать. И она угрожает всем. Чувovina не знают отлыгать. Да и никто не отправляется на отлыгать в пустыню, а истинный заговор направлен на то, чтобы превратить Францию в пустыню.

Тень легла на солнце, которое освещает нашу страну, тень легла на прекраснейшие пейзажи нашей красавицы-родины. Кто же говорит, что уничтожить эту тень — дело одних коммунистов?

* Здесь непереводимая игра слов: Брюн по-французски — коричневая, рубашка Брюн — «коричневая рубашка», форма гитлеровских молодчиков. — Ред.

Сентябрьским днем 1950 года я впервые попал на Тахиа-Таш.

Предлог «на» поставлен здесь не случайно. В ту пору можно было быть именно на Тахиа-Таше, то есть на небольшом голем, каменистом мыске.

Ныне предлог «на» необходимо заменить предлогом «в». Да, летом 1952 года люди приезжают именно в Тахиа-Таш, то есть в город Тахиа-Таш, и попасть туда сегодня можно не только автомашиной, как раньше, но и самолетом, паромом и поездом.

Железнодорожный путь Чарджоу — Тахиа-Таш пересекает территорию двух республик — Туркменской и Узбекской, их трех областей — Чарджоуской, Хорезмской и Ташкентской. Колея до почти вплотную приближается к берегу Аму-Дарьи, то удаляясь от него на десятки километров. Культурные зоны, зеленые оазисы попадают на его берега.

Когда клался полотно, приходилось подвигать на участки воды не только для питья, но и для строительных нужд. Бывало, что за ночь песок, поднятый в воздух порывами ветра, засыпал только накануне уложенное полотно, так что казалось, будто рельсы здесь и в помине не было: песок и песок вокруг до самого горизонта. Но рельсы были, и по ним, следом за путеукладчиком, шли вагоны с грузом для стройки.

Для того, чтобы читатель мог ясно представить себе, в каких условиях приходится работать каракумским железнодорожникам, расскажем о двух только случаях.

В кабинете начальника отдела временной эксплуатации дороги А. Радченко раздался телефонный звонок. Инженер-майор туги снял трубку; выслушав доклад, покачал головой.

— Ну что ж, будем брать снова...

Что же произошло? На 76 платформ возли песок, предназначенный для досыпки насыпей. Ночью на одном из разведов состав задержался. В это время налетел ураган. А когда он кончился и пришло время отправлять эшелон, выяснилось, что песок исчез, ветер начисто, до последней пылинки, вывел его со всех 76 платформ.

Потеря в общем была невелика. Но второй звонок, последовавший через полчаса, был более тревожным. Ураган на протяжении нескольких сот метров занес подолно песком, движение пришлось приостановить.

Для борьбы с песчаными заносами при управлении строительства дороги создана контора живой защиты пути; в ее распоряжении специальная эсепитоника, вдоль всей колеи песка закрепляются от выдувания камышом и травой «шпалы».

Пока Радченко рассказывал об этом, вновь зазвонил телефон. Инженер-майору туги докладывали, что путь расчищен и эшелон ушел по назначению.

Грузы Тахиа-Таша идут, разумеется, не только по железной дороге. Крутятся, например, буксируется в платках, пилотируемые перевозятся на баржах. Но об амударьинских речниках об строителях канала не услышишь добрых слов.

На перевальной базе Средазгиристоры в Чарджоу нам показали целую пачку накладных. Каждая накладная снабжена штемпелем: «Груз великой стройке коммунизма, Главному Туркменскому каналу». Штемпель красивый, только начальник базы М. Комаров говорит почему-то хмуро: — Штемпелем пристраивают по накладной — штука нехитрая. Добро бы они производили грузы ускоренно, а то ведь нет...

Вот накладная № 420962 на груз малой скорости. Пристань отправления — Фараб, пристань назначения — Тахиа-Таш. Этот «груз малой скорости» представляет собой не что иное, как 757 кубометров строительного леса, связанного в плот. Он был полностью подготовлен к отправке и слан вовремя речникам. А дальше было так: месяц плот простоял без движения у пристани за пять километров; шло время, пристань Фараб обмелела, и в итоге плот был отправлен в Тахиа-Таш спустя 45 дней.

Разные объяснения приводят в свое оправдание речники. Ссылаются на плохую работу судоремонтного завода. Но ведь завод-то этот подчиняется управлению Среднеазгисторы! Кому же, как не пароводству, и отвечать за его работу. Ссылаются на то, что обьем перевозок на Аму-Дарье в связи со строительством Главного Туркменского канала сильно возрос, а флот растет медленно. Но ведь с вводом в эксплуатацию железной дороги загрузки флота, наоборот, уменьшилась.

Трудности, конечно, у речников есть. Но существуют они не для того, чтобы на них ссылались, а чтобы преодолеть их.

Мы уже так свыжились с гигантскими масштабами наших строек, так привыкли к рождению новых городов, возникающих часто в самых глухих уголках страны, что удивлению нас поразило посещение старожилых городов: «Три года назад здесь расстилалась голая степь или «Пять лет назад тут была вековая тайга», — теперь никому не покажутся необычными.

Но при знакомстве с самым молодым советским городом — Тахиа-Ташем, даже искусственный, выдающийся вид путешественник не сможет поддаться себе чувству восторженного удивления. Оно придет и не только не слышит через неделю или две, когда приезжай как бы пообвыкнет на новом месте, а, наоборот, еще сильнее укрепит в нем.

Тахиа-Таш вырос в пустыне всего за один год. Но поражают не только темпы строительства. Наибольшее впечатление на приезжего производят приметы городского пейзажа, то, что составляет лицо города. В большом центре, выходящем к культуре, которого складывались годами, эти приметы, возможно, и не бросились бы в глаза. Но здесь, в пустыне, где над изломом песок поднимается к небу маленькими сморчками, глаз фиксирует такие приметы непрерывно: водоиспользователи; ларьки с минеральными водами; поливальные машины, которые, совсем как в Москве, каждое утро и вечер, ошметнившись водяными усами, движутся по улицам города; танцевальная площадка; футбольное поле, где раздаются крики «бодельников»; ресторан санаторного типа — просторное прохладное помещение с большими окнами, затененными от зноя портьерами; бани с отделочными померами, санузлами и душевыми; молодые деревья, высаженные на улицах; арсенал инвентаря, который уже обещают первую тень, которой никогда прежде здесь не было...

И вот, когда вдумаешься во все это, когда стараясь осмыслить виденное, обобщить свои первые впечатления о Тахиа-Таше, то в обиде его угадаешь будущее всей Каракумской пустыни. Хорошо сказал начальник строительства Главного Туркменского канала С. Калжикум, что в Кара-Кумах создается как бы новая страна: с водными путями, дорогами, лесами, благоустроенными городами, поселками. И не такими ли, как Тахиа-Таш, будут эти города в самом сердце Кара-Кумов: с электрическим освещением и водопроводом, с банями и ресторанами, с фонтанами и поливальными машинами на улицах? Впрочем, трудно с уверенностью сказать, что они будут именно такими, потому что ведь и Тахиа-Таш будет не таким. Когда в беседе с главным инженером строительства канала Я. Эрнстманом я упомянул оброненную им фразу: «В нынешнем году нам предстоит начать строительство нового города — Тахиа-Таш», — я подумал было, что главный инженер обмолвился. Ведь еще же новый Тахиа-Таш, тот город, о котором мы рассказали, — новый, в отличие от старого, представляющего собой средоточие нескольких домиков, с пристанью у мыса.

Но главный инженер не обмолвился. Да, пока что город Тахиа-Таш еще можно назвать новым, но через пару лет он станет старым, станет окраиной того действительно нового Тахиа-Таша, строительство которого начнется в нынешнем году. В кабинете С. Калжикума можно увидеть эскизный набросок — вид на этот город с будущего Тахиа-Ташского водохранилища: многоэтажные дома, монументы, олекая в камень набережная, белопарусные яхты у берега... Что же касается того Тахиа-Таша, который сегодня называют старым, то он вообще исчезнет с лица земли. И знаменитый мыс, столько раз обсыпавший фотографами и кинооператорами, тоже скроется под водой.

Тахиа-Таш называют северным плацдармом великой стройки в Кара-Кумах. Это определение относится, разумеется, не только к самому городу. И неважно, что оно само по себе условно, что просторы этого плацдарма не имеют точных границ. Отсюда, от берегов Аму-Дарьи, является наступление на пустыню, здесь, как и на юге, в районе Казанджика, сосредоточивается техника, идут изыскания на трассе, строятся подсобные предприятия, прокладываются дороги, линии связи, разрабатываются скважины под строительные нужды.

Термин «наступление на пустыню» стал сейчас очень популярным, он получил право гражданства даже в речах, в документах ученых, инженеров, языковедов. То, что происходит сегодня на северном плацдарме, следовало бы, отталкиваясь от этой терминологии, назвать разведкой боем. Иной раз это и в самом деле напоминает бой. Вдруг гудко прокатится по пустыне грохот, взметнется к небу черный грибок, словно бы задержится там на мгновение, а затем медленно, как на парашюте, опадет книзу, рассыпавшись у самой земли мириадами песчинок. Да, это взрыв, но это мирный взрыв, это взрыв ради жизни на земле, ради того, чтобы на гигантских пространствах зазеленели черные пески, чтобы электрические провода разорвало немощным, ни с чем не сравнимому черноту каракумских ночей, чтобы пошли по инвентарным караванам тропы паромов, ослепшая бышью пустыня всесильными гудками. Этот взрыв устроен работниками советской разведки: с помощью чувствительных приборов они отмечают волну искусственного землетрясения и потом по форме сейсмограммы изучают строение горных пород.

А у гидрологов задача другая: изучение режима реки. Для того, чтобы представить себе важность этой задачи, достаточно привести такой пример: Аму-Дарья несет с верховьев огромное количество ила — до двенадцати килограммов на один кубометр воды. Как же претерпеть наносам путь в канал?

Немало было уже предложений на этот счет. Предлагалось, например, увеличить скорости течения воды по каналу путем создания больших уклонов. Идея испробована в дельте, но выяснилось, что в этом случае поток транспортировался бы непосредственно на поля. Все как будто хорошо. Однако это предложение вызвало серьезные возражения. Во-первых, величина наносов в Аму-Дарье зависит от расхода воды, она непостоянна. Во-вторых, большие скорости воды в канале вызовут неизбежные размывы, а это означало бы, что канал превратится со временем в ту же Аму-Дарью с ее извилинами и перекатами.

Проблем, подобных этой, встает перед строителями великого множества. Бывает и так, что иная проблема кажется почти уже разрешенной, а на самом деле она лишь порождает другие, не менее серьезные проблемы. Положим, в пустыне открыты большие запасы строительных материалов, способных заменить дерево и даже металл. Но открыты, оказывается, полдела. Нужно еще выработать особую технологию производства этих материалов. Нужно выработать и технологию строительных работ.

А вода? Где ее взять в пустыне? Разведки начинают строительство нового города — Тахиа-Таша, а подумал было, что главный инженер обмолвился. Ведь еще же новый Тахиа-Таш, тот город, о котором мы рассказали, — новый, в отличие от старого, представляющего собой средоточие нескольких домиков, с пристанью у мыса.

Но главный инженер не обмолвился. Да, пока что город Тахиа-Таш еще можно назвать новым, но через пару лет он станет старым, станет окраиной того действительно нового Тахиа-Таша, строительство которого начнется в нынешнем году. В кабинете С. Калжикума можно увидеть эскизный набросок — вид на этот город с будущего Тахиа-Ташского водохранилища: многоэтажные дома, монументы, олекая в камень набережная, белопарусные яхты у берега... Что же касается того Тахиа-Таша, который сегодня называют старым, то он вообще исчезнет с лица земли. И знаменитый мыс, столько раз обсыпавший фотографами и кинооператорами, тоже скроется под водой.

Тахиа-Таш называют северным плацдармом великой стройки в Кара-Кумах. Это определение относится, разумеется, не только к самому городу. И неважно, что оно само по себе условно, что просторы этого плацдарма не имеют точных границ. Отсюда, от берегов Аму-Дарьи, является наступление на пустыню, здесь, как и на юге, в районе Казанджика, сосредоточивается техника, идут изыскания на трассе, строятся подсобные предприятия, прокладываются дороги, линии связи, разрабатываются скважины под строительные нужды.

Термин «наступление на пустыню» стал сейчас очень популярным, он получил право гражданства даже в речах, в документах ученых, инженеров, языковедов. То, что происходит сегодня на северном плацдарме, следовало бы, отталкиваясь от этой терминологии, назвать разведкой боем. Иной раз это и в самом деле напоминает бой. Вдруг гудко прокатится по пустыне грохот, взметнется к небу черный грибок, словно бы задержится там на мгновение, а затем медленно, как на парашюте, опадет книзу, рассыпавшись у самой земли мириадами песчинок. Да, это взрыв, но это мирный взрыв, это взрыв ради жизни на земле, ради того, чтобы на гигантских пространствах зазеленели черные пески, чтобы электрические провода разорвало немощным, ни с чем не сравнимому черноту каракумских ночей, чтобы пошли по инвентарным караванам тропы паромов, ослепшая бышью пустыня всесильными гудками. Этот взрыв устроен работниками советской разведки: с помощью чувствительных приборов они отмечают волну искусственного землетрясения и потом по форме сейсмограммы изучают строение горных пород.

Термин «наступление на пустыню» стал сейчас очень популярным, он получил право гражданства даже в речах, в документах ученых, инженеров, языковедов. То, что происходит сегодня на северном плацдарме, следовало бы, отталкиваясь от этой терминологии, назвать разведкой боем. Иной раз это и в самом деле напоминает бой. Вдруг гудко прокатится по пустыне грохот, взметнется к небу черный грибок, словно бы задержится там на мгновение, а затем медленно, как на парашюте, опадет книзу, рассыпавшись у самой земли мириадами песчинок. Да, это взрыв, но это мирный взрыв, это взрыв ради жизни на земле, ради того, чтобы на гигантских пространствах зазеленели черные пески, чтобы электрические провода разорвало немощным, ни с чем не сравнимому черноту каракумских ночей, чтобы пошли по инвентарным караванам тропы паромов, ослепшая бышью пустыня всесильными гудками. Этот взрыв устроен работниками советской разведки: с помощью чувствительных приборов они отмечают волну искусственного землетрясения и потом по форме сейсмограммы изучают строение горных пород.

А у гидрологов задача другая: изучение режима реки. Для того, чтобы представить себе важность этой задачи, достаточно привести такой пример: Аму-Дарья несет с верховьев огромное количество ила — до двенадцати килограммов на один кубометр воды. Как же претерпеть наносам путь в канал?

Немало было уже предложений на этот счет. Предлагалось, например, увеличить скорости течения воды по каналу путем создания больших уклонов. Идея испробована в дельте, но выяснилось, что в этом случае поток транспортировался бы непосредственно на поля. Все как будто хорошо. Однако это предложение вызвало серьезные возражения. Во-первых, величина наносов в Аму-Дарье зависит от расхода воды, она непостоянна. Во-вторых, большие скорости воды в канале вызовут неизбежные размывы, а это означало бы, что канал превратится со временем в ту же Аму-Дарью с ее извилинами и перекатами.

Проблем, подобных этой, встает перед строителями великого множества. Бывает и так, что иная проблема кажется почти уже разрешенной, а на самом деле она лишь порождает другие, не менее серьезные проблемы. Положим, в пустыне открыты большие запасы строительных материалов, способных заменить дерево и даже металл. Но открыты, оказывается, полдела. Нужно еще выработать особую технологию производства этих материалов. Нужно выработать и технологию строительных работ.

А вода? Где ее взять в пустыне? Разведки начинают строительство нового города — Тахиа-Таша, а подумал было, что главный инженер обмолвился. Ведь еще же новый Тахиа-Таш, тот город, о котором мы рассказали, — новый, в отличие от старого, представляющего собой средоточие нескольких домиков, с пристанью у мыса.

Но главный инженер не обмолвился. Да, пока что город Тахиа-Таш еще можно назвать новым, но через пару лет он станет старым, станет окраиной того действительно нового Тахиа-Таша, строительство которого начнется в нынешнем году. В кабинете С. Калжикума можно увидеть эскизный набросок — вид на этот город с будущего Тахиа-Ташского водохранилища: многоэтажные дома, монументы, олекая в камень набережная, белопарусные яхты у берега... Что же касается того Тахиа-Таша, который сегодня называют старым, то он вообще исчезнет с лица земли. И знаменитый мыс, столько раз обсыпавший фотографами и кинооператорами, тоже скроется под водой.

Тахиа-Таш называют северным плацдармом великой стройки в Кара-Кумах. Это определение относится, разумеется, не только к самому городу. И неважно, что оно само по себе условно, что просторы этого плацдарма не имеют точных границ. Отсюда, от берегов Аму-Дарьи, является наступление на пустыню, здесь, как и на юге, в районе Казанджика, сосредоточивается техника, идут изыскания на трассе, строятся подсобные предприятия, прокладываются дороги, линии связи, разрабатываются скважины под строительные нужды.

Термин «наступление на пустыню» стал сейчас очень популярным, он получил право гражданства даже в речах, в документах ученых, инженеров, языковедов. То, что происходит сегодня на северном плацдарме, следовало бы, отталкиваясь от этой терминологии, назвать разведкой боем. Иной раз это и в самом деле напоминает бой. Вдруг гудко прокатится по пустыне грохот, взметнется к небу черный грибок, словно бы задержится там на мгновение, а затем медленно, как на парашюте, опадет книзу, рассыпавшись у самой земли мириадами песчинок. Да, это взрыв, но это мирный взрыв, это взрыв ради жизни на земле, ради того, чтобы на гигантских пространствах зазеленели черные пески, чтобы электрические провода разорвало немощным, ни с чем не сравнимому черноту каракумских ночей, чтобы пошли по инвентарным караванам тропы паромов, ослепшая бышью пустыня всесильными гудками. Этот взрыв устроен работниками советской разведки: с помощью чувствительных приборов они отмечают волну искусственного землетрясения и потом по форме сейсмограммы изучают строение горных пород.

А у гидрологов задача другая: изучение режима реки. Для того, чтобы представить себе важность этой задачи, достаточно привести такой пример: Аму-Дарья несет с верховьев огромное количество ила — до двенадцати килограммов на один кубометр воды. Как же претерпеть наносам путь в канал?

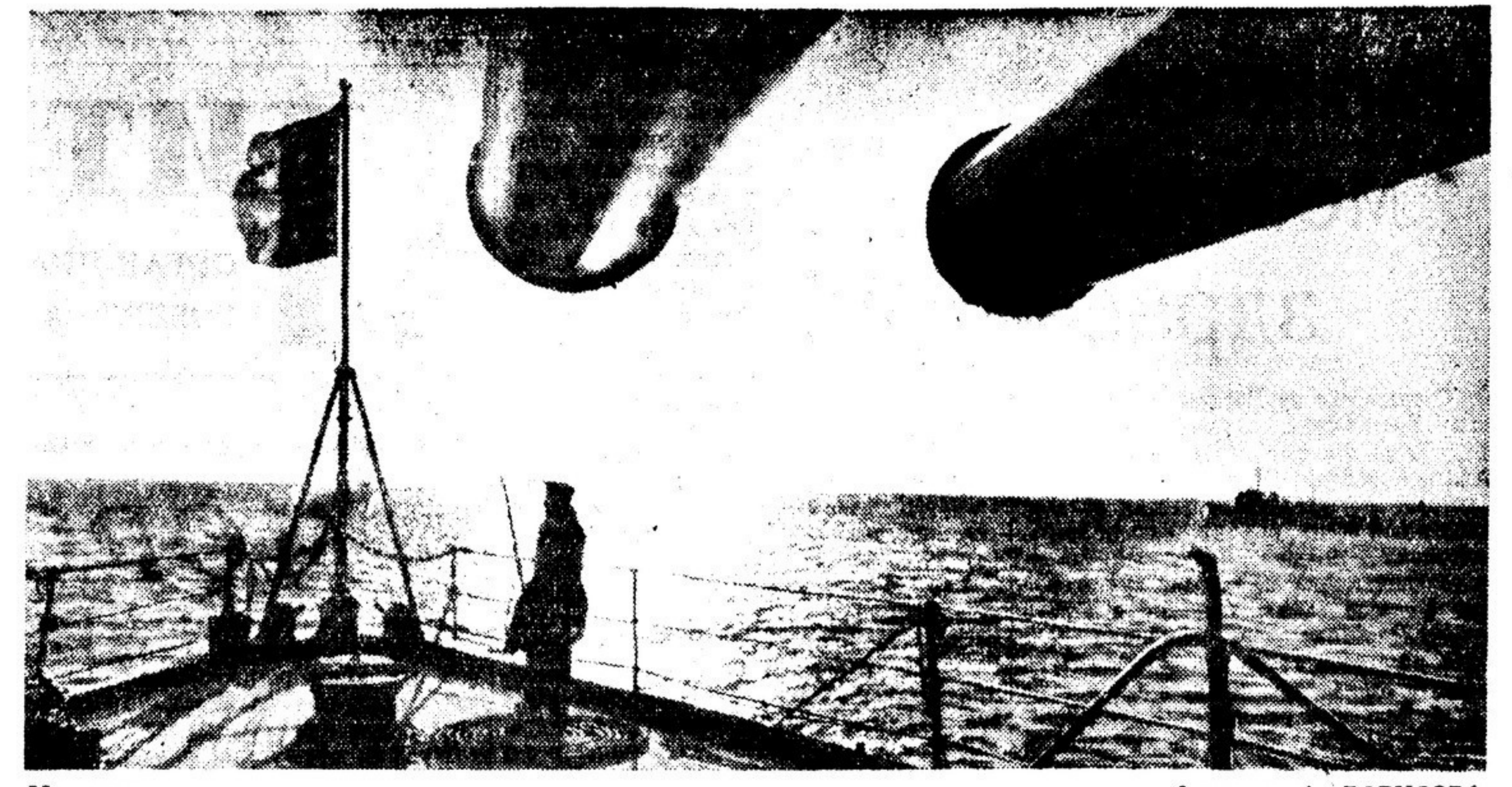
Немало было уже предложений на этот счет. Предлагалось, например, увеличить скорости течения воды по каналу путем создания больших уклонов. Идея испробована в дельте, но выяснилось, что в этом случае поток транспортировался бы непосредственно на поля. Все как будто хорошо. Однако это предложение вызвало серьезные возражения. Во-первых, величина наносов в Аму-Дарье зависит от расхода воды, она непостоянна. Во-вторых, большие скорости воды в канале вызовут неизбежные размывы, а это означало бы, что канал превратится со временем в ту же Аму-Дарью с ее извилинами и перекатами.

Проблем, подобных этой, встает перед строителями великого множества. Бывает и так, что иная проблема кажется почти уже разрешенной, а на самом деле она лишь порождает другие, не менее серьезные проблемы. Положим, в пустыне открыты большие запасы строительных материалов, способных заменить дерево и даже металл. Но открыты, оказывается, полдела. Нужно еще выработать особую технологию производства этих материалов. Нужно выработать и технологию строительных работ.

А вода? Где ее взять в пустыне? Разведки начинают строительство нового города — Тахиа-Таша, а подумал было, что главный инженер обмолвился. Ведь еще же новый Тахиа-Таш, тот город, о котором мы рассказали, — новый, в отличие от старого, представляющего собой средоточие нескольких домиков, с пристанью у мыса.

Но главный инженер не обмолвился. Да, пока что город Тахиа-Таш еще можно назвать новым, но через пару лет он станет старым, станет окраиной того действительно нового Тахиа-Таша, строительство которого начнется в нынешнем году. В кабинете С. Калжикума можно увидеть эскизный набросок — вид на этот город с будущего Тахиа-Ташского водохранилища: многоэтажные дома, монументы, олекая в камень набережная, белопарусные яхты у берега... Что же касается того Тахиа-Таша, который сегодня называют старым, то он вообще исчезнет с лица земли. И знаменитый мыс, столько раз обсыпавший фотографами и кинооператорами, тоже скроется под водой.

Тахиа-Таш называют северным плацдармом великой стройки в Кара-Кумах. Это определение относится, разумеется, не только к самому городу. И неважно, что оно само по себе условно, что просторы этого плацдарма не имеют точных границ. Отсюда, от берегов Аму-Дарьи, является наступление на пустыню, здесь, как и на юге, в районе Казанджика, сосредоточивается техника, идут изыскания на трассе, строятся подсобные предприятия, прокладываются дороги, линии связи, разрабатываются скважины под строительные нужды.

На вахте Фотохудож. А. БОРИСОВА

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Украинские издательства в долгу перед школьниками

Изучение русского языка и русской литературы является, как известно, одной из важнейших задач советской школы. Между тем в школе, где я преподаю, существует серьезное препятствие, мешающее учащимся углубить свои знания по этим предметам.

Редко кому из наших учащихся удастся прочитать то или иное произведение русской классической и советской литературы в подлиннике. В большинстве случаев приходится довольствоваться переводами на украинский язык. Вот характерный пример. Из многочисленных произведений Гоголя, которыми располагает школьная библиотека, на русском языке имеется только один экземпляр «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Также же примерно положение и с книгами Пушкина, Тургенева, Чехова, Горького, Маяковского.

ОТ РЕДАКЦИИ. Редакция проверила факты, приведенные в письме тов. Береженого. Действительно, во многих местах на Украине — и в книжных магазинах, и в библиотеках сельских школ, и в районных детских библиотеках — нередко трудно достать произведения русских писателей на русском языке. Школьники читают эти произведения, как правило, только в переводах. Комплектование школьных и детских библиотек литературой на русском языке производится библиотечными коллекторами в основном, главным образом, в Москве и Ленинграде.

Казалось бы, и издательства УССР («Радянська школа», «Молодь», «Держлітвидав») также должны выпускать на русском языке произведения, изучение которых предусмотрено программой школы. Однако в 1950/51 году издательство «Молодь» не выпустило ни одной такой книги, «Радянська школа» ограничилась изданием одномомиков избранных произведений Короленко и Серафимовича, а «Держлітвидав» выпустил на русском языке только «Детство» Горького и «Сорочичню армарку» Гоголя.

По непонятной причине «Держлітвидав» и в этом году запланировал выпустить только 2 произведения русских советских писателей на русском языке.

После войны по всем отраслям промышленности издано много специальной литературы. Бумажная промышленность составляет не исключение. Неужели Министерство бумажной и деревоперерабатывающей промышленности СССР не в состоянии воздействовать на свое издательство и заставить его серьезно заняться выпуском необходимых книг?

Х. МОТЫЛЕВ, главный механик бумажной фабрики «Иунчице» РИГА

Улучшить качество словарей

Русский язык широко изучается во всех союзных и автономных республиках нашей страны. В связи с этим особое значение приобретает двуязычные — русско-национальные и национально-русские — словари, которые являются важным пособием при изучении русского языка. Однако в словарях этих существует серьезный недостаток, который следует устранить.

Грамматический строй русского языка отличается, как известно, богатством и разнообразием форм словоизменения. Для изучающих русский язык чрезвычайно важно иметь возможность быстро и точно узнать, как меняется то или иное слово. Такие сведения должны давать каждый двуязычный словарь.

Мы внимательно просмотрели ряд словарей, изданных в течение последнего десятилетия (русско-азербайджанский, русско-татарский, русско-киргизский, русско-таджикский). Ни в одном из них нет данных, определяющих грамматические особенности русских слов. В лучшем случае, такие указания даются лишь в отдельных словах, без определенной системы.

В последнем со времени выхода в свет и наиболее крупном по объему русско-таджикском словаре отсутствуют даже эти скудные сведения, хотя объем словаря вполне позволял дать грамматическую характеристику русских слов в соответствующих словарных статьях. Составители русско-таджикского словаря, правда, указывают грамматические особенности русских слов в особых списках, приложенных в конце книги, но наличие таких «перечней» не помогает таджикам, еще не овладевшим вполне русским языком, пользоваться словарем. Откуда, например, человек, плохо знающий русский язык, может знать, что для того, чтобы объяснить слово «едва», надо искать в словаре перевод слова «едва». К тому же список, приложенный к книге, еще и не полный. Так, «Перечень некоторых существительных, склоняющихся с отступлением от общих правил», включает лишь 54 слова, хотя таких слов в русском языке значительно больше.

Понятно, что двуязычный словарь не может и не должен заменять толковый словарь национального языка, он не может заменить и русскую грамматику, но все же в пределах возможного грамматическая часть в таких словарях должна быть усилена.

Необходимо, не откладывая дела в долгий ящик, разработать обязательные для каждого издательства, занимающегося составлением и изданием двуязычных русско-национальных и национально-русских словарей, правила их грамматической и стилистической обработки. Словарь должен быть составлен так, чтобы человек, изучающий русский язык, мог получить основные сведения, необходимые для правильного употребления того или иного русского слова, с учетом основных правил изменения данного слова и сочетания его с другими словами в предложении.

А. МОРДВИЛКО ТАШКЕНТ

Пробел в специальной литературе

После войны по всем отраслям промышленности издано много специальной литературы. Бумажная промышленность составляет не исключение. Неужели Министерство бумажной и деревоперерабатывающей промышленности СССР не в состоянии воздействовать на свое издательство и заставить его серьезно заняться выпуском необходимых книг?

Х. МОТЫЛЕВ, главный механик бумажной фабрики «Иунчице» РИГА

А. АНАСТАСЬЕВ О творческой смелости режиссера

1. В минувшем сезоне Театр имени Вахтангова возобновил свой старый спектакль «Егор Булычов и другие». Слова почувствовали зрители всю глубину горьковского постижения жизни, снова зазвучал со слезы богатый и сочный язык замечательной пьесы.

Многое примечательно в вахтанговском спектакле. Но есть и нем черта, на которую хочется обратить особое внимание: спектакль этот отмечен глубокой режиссерской мыслью, более того — режиссерской смелостью. Знаменитая пляска Булычова, так неожиданно врывающаяся в разговор с игумнейкой; преносная сцена Егора и Глазирин в маленьком чуланчике, сразу говорящая зрительно о том, что только в этом углу собственного дома обретает Булычов душевный покой; экспрессивная, смелая до дерзости сцена с трубочкой, ставшая психическим центром пьесы; финал, построенный на резком контрасте гибели Булычова и молодой устремленности Шуры в новой жизни, в будущем, — все это и многое другое — плод живой, энергичной режиссерской мысли, свидетельствующий о высоком уровне творческого отношения коллектива театра и режиссера Б. Захарова к пьесе, к изображенной в ней жизни.

На первом плане писателей А. А. Жданов говорил: «Родов оружия у нас много. Советская литература имеет все возможности применить эти родов оружия (жанры, стили, формы и приемы литературного творчества) в их разнообразии и полноте, отбирая все лучшее, что создано в этой области всеми предшествующими эпохами».

Это очень важное указание. Социалистический реализм предполагает полнейшую творческую свободу художника, свободу выбора формы, жанра, творческих приемов в зависимости от художественной индивидуальности писателя, театра, киноискусства. Каждый вид советского искусства складывается из живого творчества художников, различный по своим творческим склонностям, темпераменту, приращенности к тем или иным художественным приемам.

Пных скучных, не в меру строгих людей пугает обстоятельство, что, мол, если художники разные, то, значит, и читатели и зрители относятся к ним по-разному, значит, кто-то может любить одного советского художника и быть равнодушным к творчеству, а то и не любить творчества другого, тоже советского художника. Любят, так бывает, и боятся тут нечего. Жизнь, искусство — это не избирательное; у одного — одни художественные вкусы и симпатии, у другого — другие. Недаром говорят: «на вкус, на цвет — товарищам нет». Ведь речь идет не об идеальном содержании произведений искусства — здесь советские читатели и зрители, как правило, сходятся, — а о художественных особенностях творчества писателя или режиссера.

В редакции «Литературной газеты» приходило немало писем читателей о произведении литературы, искусства, и часто то, что является одному, оказывается совершенно другим другому. Это естественно, и было бы очень печально, если бы наши читатели проявляли к искусству такую избирательность; но существо, это означало бы равнодушие, отсутствие своего, активного отношения к художественному творчеству. А советские люди по-настоящему, горячо любят искусство.

Горячо, заинтересованно любят они и искусство драматического театра. Каждый хороший спектакль, каждая удача актера вызывают живой отклик в душе зрителя. Такие спектакли минувшего сезона, как «Егор Булычов» и «Седая девица» в Театре имени Вахтангова, «Илюды прощения» в Московском Художественном театре, «Вася Железняков» в Малом театре, «Шелковое солнце» и «Гибель актрисы» в Ленинградском театре Ленского комсомола, «Потерянное письмо» в Театре сатиры и некоторые другие постановки театров страны, дороги правды жизни и мастерства. Они радуют извечной любовью, художественным своеобразием.

Однако успехи нашего театрального искусства не должны мешать нам видеть то, что в последние годы многие театральные коллективы словно бы утратили свой особенный, индивидуальный творческий облик, что спектакли разных театров стали странно похожи друг на друга. Где причины этого явления?

Разумеется, неправы те, кто полагает, что произошла унификация, вынужденная театров, вызванная якобы справедливой нетерпимостью общественности ко всеческим проявлениям и рецидивам формализма и эстетства на сцене. Это вздор. Подобное мнение исповедуют люди, на словах приветствующие социалистический реализм (но не понимающие его существа), а в глубине души тоскующие по ушедшим «красотам» формализма.

О какой унификации театров можно говорить, когда лучшие спектакли наших театров свидетельствуют о том, что в этих театрах живут их собственные традиции, выявляются их индивидуальные художественные пристрастия и творческие приемы. Разве «Илюды прощения» — это не характернейший спектакль именно для Художественного театра с его умением проникнуть в самую глубину психологии героев, быть абсолютно верным правде в большом и в деталях? Можно с уверенностью сказать, что Станиславский с радостью принял бы этот спектакль и увидел бы в нем торжество своих творческих принципов. Разве не «Седая девица» не обнаруживает во всей откровенности то лучшее, что унаследовали вахтанговцы от основателя театра: творчески-активное отношение к изображаемой действительности, острота и яркость театральной формы, умение найти форму, близкую именно этой пьесе?

О унификации театров в целом нельзя говорить и потому, что выдающиеся советские актеры отличаются резко очерченной индивидуальностью. Это художники со своим особым дарованием, возможностями, творческими стремлениями. Другое дело, что они иногда годами тоскуют по желанной роли и титуются необходимостью играть не то и не там, как хотелось бы...

Почему же многие спектакли наших театров нередко уныло напоминают друг друга, почему театр, как творческий коллектив, порой перестает быть художником со своим отношением к жизни, своим творческими задачами, индивидуальными средствами, — словом, художником со своим индивидуальным обаянием, без которого художник не существует?

Нет сомнения в том, что это во многом и очень много связано с отставанием драматургии.

Однако есть, думается, и другая причина того, что в разных театрах появляются серые, равнодушные спектакли, удивительно похожие друг на друга. Она кроется в работе режиссеров, и прежде всего — главных режиссеров, в отсутствии у них творческой смелости, в неумении и нежелании полагать, наследственным самоограничением.

Крупнейшие наши режиссеры — М. Кедров, А. Попов, Р. Симонов, Н. Охлопков, Ю. Завладский, А. Лобанов, С. Глазирин, проводящие великолепную школу Станиславского и Немировича-Данченко, — это гордость советского театра. Им в очень большой мере обидано наше театральное искусство своими победами на пути социалистического реализма, они воспитали и воспитывают поколения молодых актеров и режиссеров для всего советского театра. Любовь народа и художественный авторитет эти мастера советского театра завоевали своим талантом, энергичной творческой работой, смелыми поисками нового в искусстве.

Почему же в последние годы некоторые наши одаренные режиссеры словно притихли, стали спокойной-маститыми, почили на лаврах? Конечно, они и ныне ведут большую работу по воспитанию актеров, и ныне, работая на спектакле, отдавая свой богатый опыт актерам, тщательно работают с исполнителями, и этому творческому труду нет цены. Но режиссерская работа шире. Режиссер определяет звучание спектакля, он находит его стиль, его форму, каждый раз особенную, новую. И у каждого крупного мастера есть свое видение жизни, своя художественная манера. Почему же сейчас многие режиссеры спокойно взирают на то, что в руководимых ими театрах ставятся бесформенные спектакли, почему большие мастера словно утратили творческие различия между собой, смелость и отвагу в развитии своих творческих позиций и готовы ринуться на некий стандарт среднего спектакля?

Наряду с хорошими спектаклями, такими, как «Незабытый 1919-й», «Флаг адмирала», «Учитель танцев», в Центральном театре Советской Армии то и дело появляются спектакли скучные, незамысловатые, в которых не найдена форма, не горячий режиссерской мысли. Таковыми «Советы», и «Под чужим небом», и во многом «Наследники». Эти спектакли без

труда можно перенести на сцену другого театра, и там они спокойно станут в ряд таких же ничем не примечательных постановок. Но ведь главный режиссер театра Алексей Попов — большой, своеобразный художник, у которого есть свои творческие принципы, не раз воплощенные в практику. Вспомним «Виринею» и «Разлом» в Театре имени Вахтангова, погодиские пьесы и «Ромео и Джульетта» в Театре Революции, «Угрожение строптишкой», поставленную незадолго до войны в Центральном театре Советской Армии. Это очень разные спектакли, но все они правдивые, возмужные, смелые, каждый из них в известной мере был художественным открытием, в каждом чувствовался художественный почерк Попова. Почему же сейчас А. Попов мирится с тем, что в театре, который работает под его руководством, идут спектакли безликие, бесстрастные?

Нельзя сказать, что некоторые пьесы идут в нескольких театрах столицы. Казалось бы, здесь-то и должно особенно

ПЕСНИ И ПЕСЕННИКИ.

Любит песню русский народ. Лучшие песни, созданные как бесстрастными народными певцами, так и знаменитыми русскими поэтами — Пушкиным, Некрасовым, Блоковым, живут и поныне. Многочисленные песни советских поэтов и композиторов обогатили нашу песенную культуру, прочно вошли в жизнь народа.

Одним из основных путей проникновения песен в народ являются песенники. Эти сборники песен призваны воспитывать нравственное и эстетическое чувство народа. Но руководство Союза советских писателей проявляет непонятное равнодушие в составлении и издании песенников. Не интересуются этим делом ни секция поэзии, ни секция народного творчества.

Издательство «Советский писатель» также почти устранилось от издания песенников. За последние годы оно выпустило только один сборник — «Песни русских поэтов» (1950 г.). В него вошли тексты, которые сохранились в памяти народа и заслуживают самой широкой популяризации, но не печатались до революции в песенниках, а также песни известных поэтов.

Однако книга эта является лишь сборником стихотворений, ставших песнями. Составители сборника оставили без внимания тот факт, что большинство стихотворений, ставших народными песнями, подверглось изменениям, сокращениям и т. д. Из 80 стихотворений «Ермак», например, вошло в песню лишь 44 строки, а из 36 стихотворений «Он» («Шумел, горел пожар московский») стали песней 24, причем 15 строк подверглись значительным изменениям. Тем не менее, сборник дает научную основу для публикации стихотворений русских поэтов, вошедших в песенный фонд.

Как идет развитие и выходящие стихотворения, ставшие песнями, видно на следующих примерах. В песне «Все выше» опускается неуказанный стихотворный куплет, начинающийся словами: Наш острый взгляд пронзает каждый атом, Наш каждый нерв решимостью одет.

В «Песне о встречном» из пяти вариантов принята одна, самая популярная: «Не спи, вставай курявая». Из трех вариантов принята «Тачанка» также одна: «Х, тачанка-роточанка». До сих пор, к сожалению, никто не занимается упорядочением и канонизацией текстов песен. Издательства действуют в разброд, печатают самые различные тексты: одни — «первозданные», книжные, другие — те, которые поются.

Песенники выпускаются преимущественно областными издательствами. Предоставленные самим себе, лишены научно выверенного и прокомментированного образца, они зачастую целуют эту работу куластом. Достаточно прогнать издаваемые на последние три-четыре года песенники, чтобы убедиться в этом.

Во всегда еще наши издательства всерьезно отбрасывают для сборников действительно лучшие в песенном творчестве, достойные популяризации. Попадают в «Песенники» и стихотворения «под народное», несоответственные в художественном отношении песне.

Такова, например, «Песня о родной земле», написанная О. Фадеевой. Тут и «золотая парча» полей, и «короны жемчужины» гор. Нередко издательства действуют по принципу: «челюм победим, цену падевшего». Вместо того, чтобы отсаживать от включенных в сборник полей песни, издательства начинают «поштопать» ее. Так, в слабой песне С. Фогельсона «Маршосские ночи» (кстати говоря, вошедшей почти во все «Песенники») имеется явно непримлемая строфа:

Больше месца
Парень бесится,
И друзья сказали так:

— Что ты мешешься,
Коль хвощишься,
Не забудь, браток, ты — моряк!

Воронежское издательство заменило «хвощишься» на «убиваешься»; Ленинградское же и Курское издательства сделали более радикальную «починку»:

Брось ты веревчат
На манер девчат.

Не справляются издательства и с другой важной задачей: поддерживать и популяризировать в песенниках творчество местных поэтов и композиторов. Ни в одном песеннике нет песен о лучших людях области — героях труда, знатных земляках, а также песни создаются, их поют в самодеятельных коллективах, передает местное радио. В пяти вышедших в прошлом году песенниках — в Курске, Чите, Омске, Горьком, Краснодаре — имеется всего одна песня местного поэта («В родном крае» С. Чмырева). Отрадное исключение составляет Воронежское областное издательство, включившее в сборник хорошие песни Воронежского русского хора — «Трудовая колхозница», «Ты цветы, наш край родишь», «Новая деревня» и др.

Некоторые издательства, включая созданные местными поэтами и композиторами песни, подходят к ним нетребовательно. Так, Новосибирское издательство опубликовало в «Сборнике песен» (1948 г.) поразжающую своей беспомощностью песню «Любовь» (на слова И. Мухометова), где есть такая строфа:

Лишь прислушайся,
Ты познаешь — есть
У цветов своя
И любовь, и песня.

Ряд издательств произвольно изменяет авторский текст.

В «Новых песнях» (ОМГИЗ, 1951 г.) совершенно обесмыслена песня Л. Ошанина «Солнце встает»:

Нам светело и привольно живется,
И закон есть в Советской стране:
Кто у нас комсомольцем зовется,
Тот читает о завтрашнем дне.

За исключением первой строки и слов «о завтрашнем дне», ничего похожего в авторском тексте нет.

Довусают издательства ошибки и в области классификации песен. Так, Краснодарское издательство («Песни советского народа», 1951 г.) включило «Полюшко-поле» В. Гусева и «Прощанье» М. Писаковского в раздел историко-революционных песен, а издательство «Московский рабочий» («Песни мира и труда», 1951 г.) современную песню «Тучи над городом встали» в раздел старинных народных песен.

Ни в одном песеннике нет указания, когда была написана песня, кто из поэтов и композиторов и за создание каких песен удостоен Сталинской премией. А ведь в примечаниях или во вступительных статьях можно рассказать много интересного для читателя, например, что песня «Ермак» создана декабристом К. Ф. Рылевым, написавшим, кроме того, ряд антикрепостнических песен — «Ах, тогда миг» и др., что песня «Варшавянка» и «Беснуется, таран!» написаны большевиком-политиком Г. М. Коржинским, что текст «Песни смелых» написан А. Сурковым в день нападения на нашу страну фашистских полчищ 22 июня 1941 г. и т. д.

Нельзя не отметить решительного упущения изданий песенников. Союз писателей, секция поэтов обязаны активно помочь в этом издательству.

Совершенно необходимо приступить к изданию антологий старинной и современной русской песни.

Изданию песенников должно из дела рук «старушки-одиночки» превратиться в дело коллективного труда наших поэтов и композиторов совместно с издательствами.

А. БОЧАРОВ

Художник Г. Мелентьев (Саердоловск) закончил работу над портретом Героя Советского Союза Я. Ткаченко. НА СНИМКЕ: Я. Ткаченко и его жена знакомятся с работой художника. Справа — Г. Мелентьев. Фото М. АЛЬПЕРТА

Об изучении эпоса „Манас“

В президиуме Академии наук СССР

На днях президиум Академии наук СССР обсудил итоги научной конференции, посвященной киргизскому эпосу «Манас». Конференция была проведена в г. Фрунзе Отделением литературы и языка Академии наук СССР и Киргизским филиалом Академии.

Конференция привлекла большое внимание общественности Киргизии. В ее работе приняли участие ученые и писатели Москвы, Ленинграда, Казахстана и Узбекистана.

С докладом об итогах конференции выступил на заседании президиума академии Г. Тихомирров.

Президиум одобрил решение научной конференции и принял постановление о дальнейшем изучении эпоса «Манас».

Эпос «Манас», говорится в этом постановлении, — крупнейшее произведение устного поэтического творчества киргизского народа и имеет важное значение в истории киргизской культуры. Этот эпос в своей основе является народным и отражает духовную культуру народа, его многовековую борьбу с иноземными врагами. В нем запечатлены история киргизского народа, его быт, нравы, мифы, легенды.

Вместе с тем, как было отмечено на конференции, в изучении киргизского эпоса допущены серьезные ошибки: в оценке эпоса «Манас» имели место апология, идеализация, некорректное определение сущности эпоса; в последнее время наметилась другая крайность — вульгаризация, антинаучное отношение к эпосу. Эпос рассматривался в трудах ряда исследователей с точки зрения теории одного потока, без четкого определения его идейного содержания. Большое влияние на изучение эпоса оказали порочные взгляды А. Н. Веселовского и Н. Я. Марра. Отсутствие классового подхода к литературному наследию способствовало идеализации эпоса.

Некорректному отношению и идеализации эпоса «Манас» способствовали и по-

рочные работы некоторых историков, этнографов и филологов (А. Н. Бернштам, С. М. Абрамзон, К. Рахматуллин). Историк Киргизии не занимался эпосом «Манас» и не создал трудов, охватывающих историческую основу эпоса.

В результате дискуссии выяснилось, что, будучи в своей основе народным, эпос «Манас» подвергся в прошлом значительному влиянию феодально-клерикальной идеологии. Буржуазные националисты оказали свое вредное воздействие на некоторых сказителей, версии которых засорены пантюркистскими и панисламистскими идеями, чуждыми и враждебными народу. В записанных версиях эпоса выражена борьба двух тенденций: демократической и феодально-клерикальной.

Опубликованный в 1946 г. отрывок из эпоса под названием «Великий поход» представляет одну из наиболее реакционных, фальсифицированных националистической частью «Манаса».

Институт языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук СССР проделал значительную работу по сбору версий эпоса «Манас», однако не организовал научного изучения эпоса.

Конференция, как отмечается в постановлении президиума, наметила ближайшие задачи манасоведения: определение состава эпоса, уточнение его сюжетной канвы, изучение исторической эпохи создания эпоса, продолжение записей его бытующих версий.

Президиум обязал Киргизский филиал Академии и Совет филиалов Академии наук СССР преследовать в плане научно-исследовательских работ Института языка, литературы и истории на 1953—1955 гг. создание сводного текста эпоса «Манас». Для этой работы в помощь филиалу утверждена группа консультантов.

Президиум наметил также ряд других мер для усиления теоретического исследования и изучения народного творчества.

ПАМЯТИ П. ПАВЛЕНКО И К. ТРЕНЕВА

Недавно у дома, где жили и работали П. Павленко и К. Тренев, состоялся митинг трудящихся Ялты, посвященный открытию мемориальных досок.

В этом доме П. Павленко написал роман «Счастье» и в сотрудничестве с кинорежиссером М. Чинаурели создал сценарий фильма

«Падение Берлина». Драматург К. Тренев написал здесь две пьесы — «На берегу Невы» и «Полководец». Ежедневно дом посещают десятки экскурсий и туристов.

А. АНТОНОВ

ЯЛТА

НЕРУШИМАЯ ДРУЖБА

Мне, как члену делегации московских писателей, довелось присутствовать в городе Миргороде и его окрестностях на народных собраниях, посвященных 160-летию со дня смерти Давида Гурамишвили.

Надо было видеть, как в селе Зубовки, где более пятидесяти лет прожил поэт, в ярких праздничных одеждах собрались сотни колхозников в ожидании русских, грузинских и украинских писателей, приехавших в Зубовку на вечер памяти Давида Гурамишвили.

По старым обычаям жители села Зубовки встретили гостей хлебом-солью. Три самых почетных по возрасту колхозника на расписных цветных ружьях вынесли на встречу гостям три пышных каравая и вручили их посланцам Грузии — Александру Чейшвили, Отару Чхеидзе и Георгию Шатберашвили.

Солнце давно село за холмами, вокруг пала ночная прохлада, а в Зубовке при свете тысяч электrolампы продолжался захватывающий разговор.

Литерическое стихотворение Давида Гурамишвили «Зубовка», прочитанное сначала на грузинском языке Отаром Чхеидзе, а затем в русском переводе Николаем Заболотным и, наконец, в переводе на украинский язык Олегом Новицким, покорило сердца слушателей.

В этом литературном шедевре грузинской поэзии XVIII века отчетливо слышится голос гуманизма, голос огромного художника-жизнителя, уже в те отдаленные времена, наперекор установившимся в грузинской поэзии традициям воспевания власти и мущин, подлинного и воспевавшего простоту трудовой народ.

На другой день состоялся митинг на могиле Давида Гурамишвили в Миргороде. Несмотря на то, что митинг был назначен на три часа дня, уже в двенадцать часов со всего района пешим и конным, на грузовиках, на легковых машинах и на велосипедных стелках жители Полтавщины. Широким полукругом расположились ты-

сячи труженников Украины, пришедшие поклониться праху поэта, который в свое время назвал братской приезд на благодатных землях Украины и восстал от трудовой люд.

Долгим потоком движутся люди, несущие флаги от партийных, советских, комсомольских и пионерских организаций.

На высокую трибуну, всю украшенную зелеными, белыми, красными полотнищами и риж, поднимаются секретарь Миргородского райкома партии тов. Гончаренко, председатель республиканского комитета по проведению 160-летия со дня смерти Давида Гурамишвили поэт Максим Рыльский, представитель делегации писателей Грузии Александр Чейшвили, представитель делегации писателей Москвы Николай Заболотный, колхозники, учителя, шоферы, учащиеся школы имени Д. Гурамишвили.

Все они говорят о нашем стихотворном времени, пришедшем на смену былого беспорядка и угнетения, рассказывают о трудовых успехах и славу мудрости партии большевиков, величайшего учителя и друга всех народов, знаменосца мира товарища Сталина.

Вечером состоялось торжественное собрание интеллигенции Миргорода. С трибуны городского театра прозвучали голоса признательных читателей произведений Гурамишвили, нашедших в прекрасном, зномком и взволнованном стиле славного сына Грузии родные и сердечные мечты о счастливом будущем трудового человека, призывы к борьбе за справедливое устройство мира.

Естественно и уместно на этом собрании были названы светлые имена Пушкина и Гоголя, Тараса Шевченко и Леси Украинки. В этот день в Грузии были торжественно открыты памятники Лесе Украинке и библиотеке ее имени.

Незабываемы эти, согревающие душу события, знаменующие собою единство братских народов.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ФЕЛЬЕТОН

Витя Малеев

В журнале и в книге

Не так уж давно мы знакомы с Витей Малеевым: повесть Н. Носова была написана в прошлогодней июньской книжке «Нового мира». Но перечитывая ее в отдельном детизмовском издании, мы встречаемся с Витей, как со старым знакомым, с давним и любимым другом. По сравнению с журнальным своим видом Витя окреп, возмужал, приобрел ту независимую внешность, которую приобретает произведение, перебираясь из журнала в книгу.

Повесть обогатилась новыми эпизодами. Учительница Ольга Николаевна, вожатый Вольдя, директор школы Игорь Александрович играют теперь большую роль в жизни Вити и его товарищей. Все это хорошо.

Но вместе с тем, слушая снова витин рассказ, мы испытываем чувство, будто мальчик что-то утратил. Что?

Помните, как бедный Костя Шинкин, замученный внутренней борьбой, обманом, стыдом, раскаявшийся Костя Шинкин возвращался после многих дней прогула в школу? В журнале Витя говорил о своем друге, с которым они вместе так много пережили, передумали в эти дни крестных прогулов: «Я не видел его с позавчерашнего дня, так что даже соскучился по нему и чуть не бросился навстречу ему из-за парта». В детизмовском издании было учтено, что входит в Шинкин в класс и стало быть, даже думать о том, чтобы броситься навстречу, ученику В. Малееву не следует.

Книжный Витя держится как-то более чинно и осторожно. Не случайно, что, усажив жонглировать, как в журнале, Витя с Костей в журнале разделил две тарелки, а в книге — только одну. Вторая разбитая тарелка была в Детизме спасена.

Витя из «Нового мира» держался проще и откровеннее, чем Витя из Детизма. Он, например, простодушно признавался в своих грехах и недостатках. «У меня была такая привычка и всегда любил слезать сначала то что полегче, а потом и труднее». Неправильная, конечно, привычка, Витя затем старается от нее освободиться.

А в Детизме решили, что раз привычка неправильная, то незачем и говорить о ней. Витя Малеев — скромный мальчик. Он не хвастал и скорее страдал тем, что не стоило верить в свои силы. Даже самая маленькая победа искренне радовала его. Помните, как он обрадовался, даже чуть загордился, решив для сестренки Лики задачку третьего класса. В книге он не только радуется, но проносит вперед громкие слова: «Я вот и решил задачу, не дожидаясь одного человека, переписавшего совет». В журнальном варианте повесть «Витя Малеев в школе и дома» было больше смешного. Ну, можно ли, например, не вступиться за отрывок из витинского рассказа о том, как Митя Круглов сообщил маме о двойке? Скажут: в чем дело, главные образы в основном не пострадали, самое важное в повести сохранено, подумаешь, сняли несколько живых или смешных мест.

Это верно. Образ Вити Малеева пострадал, но не сильно. Мальчик остался легким и простым, получил, так сказать, не ученья, а царинки. Но ведь, если любящий ребенка, то и на царинку не будешь смотреть равнодушно.

Еще обиднее, что дело не всюду ограничилось мелочами. То, что в книжном варианте вообще сглажен конфликт повести, сокращена и скомкана история о том, как Витя Малеев и Костя Шинкин обманывали учительницу, родителей, класс, — это не мелочь. Раньше вся история с Костей Шинкиным волновала ребят, класс гудел, как встревоженный улей, все спорили о том, как по-настоящему помочь запутавшемуся Шинкину. И когда Толя Дёжнев вставал в своей суровой и гордой «Ольга Николаевна», это неправда! Он вовсе не блудил, это был мужественный поступок, трудно давшийся, но верное решение. А теперь в книге ребята даже не приходится долго ничего решать, волноваться, спорить. Вслед за ними к «большому» Шинкину является Ольга Николаевна, и все сразу же выясняется.

Необозримы творческие возможности режиссерского, актерского, художнического реализма. Высокие идеи, которые призван выразить наш театр, требуют от сценических художников яркой, выразительной формы, такой же богатой, как богаты сами идеи. И право, пока отказываясь от тесных рамок якобы «дозволенного», в которые нередко ставят себя многие режиссеры, от чуждого советскому театру художественного актеизма, которым пронизаны многие спектакли. Театральная смелость, полное выявление своих художественных воззрений, постоянные поиски нового в искусстве, постоянное оттачивание мастерства — вот чего ждут зрители от наших театральных коллективов. И это в первую очередь относится к режиссерам.

торая приводит к отождествлению понятия формализма с яркой выразительной формой спектакля. Укоренению этой ложной и вредной путаницы способствовали некоторые критики, любящие стричь искусство по одну гребенку и лучше всего бокающиеся всего нового, яркого, неожиданного. Точка зрения подобных критиков не имеет ничего общего с требованиями партии и народа и искусство: она в корне противоречит этим требованиям, ибо критика, по существу ратующая за однообразное искусство, обещая реалистический театр и тем самым льет воду на мельницу формализма.

У многих наших крупных режиссеров в прошлом были ошибки, неудачи, иногда они отступали на своем реалистическом пути. Но ведь, кроме ошибок, были успехи, частичные находки, творческие удачи, достигнутые в смелых поисках нового, в творческих спорах со своими товарищами по искусству. Именно эти удачи приносили славу режиссерам и в большей степени — руководимым им театрам. Сейчас же создается впечатление, что многие режиссеры, боясь ошибок, предпочли вовсе отказаться от поисков, от творческого эксперимента и решили плыть по течению уже проверенного, много раз испытанного. Один характерный пример: в 1950 году вышла книга «Работа режиссера над советской пьесой». Крупнейшие режиссеры в этой книге рассказывают о своем опыте, рассказывают умно, интересно. И странно лишь то, что ни один из авторов не нашел повода для творческой полемики со своими товарищами по режиссерской работе, — будто на художественную проблему сценического воплощения современной пьесы все смотрят совершенно одинаково...

Недостаточно обращаются наши режиссеры и к драгоценному опыту Художественного театра, Станиславского, Немировича-Данченко. Между тем Станиславский и Немирович-Данченко показывали великодушный пример творческой смелости и многообразности мастерства. Они, как никто, верно и широко представляли себе понятие — реализм. Разве «Горюче сердце» в постановке Станиславского не осталось до сих пор непревзойденным образцом глубокого идейного толкования комедии Островского и вместе с тем — безудержной, буйной режиссерской фантазией, «крупного комизма», о котором мечтал еще Островский. Немирович-Данченко, для которого малейшая неправда в театре была невыносима, говорил: «На сцене не может быть ничего «чересчур», если это

верно. И все становится лишним и претензионным, если это неверно». Подлинная мера искусства театра социалистического реализма, мера, которая позволяет каждому режиссеру, верному жизненной правде, смелю и до конца выразить на сцене свои художественные вкусы.

3. Притупление режиссерской мысли, повальное безразличие, равнодушие к спектаклям тормозят развитие нашего театрального искусства. Вот почему испытываем особую радость, замечая, что в наступающем сезоне поставлен ряд спектаклей, в которых ярко выявлены творческие инициативы режиссеров и актеров, ощущается смелость художника, своими глазами взглянувшего на жизнь. Среди этих спектаклей есть образцы современного творчества — такие, как «Егор Булычов и другие», «Плоды просвещения», есть и спектакли с немалыми недостатками. Но они заслуживают горячей поддержки, потому что от них веет свежестью, потому что они служат целебным средством против равнодушия и несмелости в искусстве.

Н. Оклюков поставил в Московском театре драмы «Дорогу свободы» Г. Фаста. Много несовершенного в этом спектакле, но очень дорого в нем то, что режиссер, в полном согласии с актерами и художниками, наметил ясное стилистическое решение: это героическая трагедия.

Гидеон Дёжнев и его друзья гибнут в неравной борьбе с американскими расистами, гибнут, как герои, и победа духа на их стороне, и каждому зрителю ясно, что придет время, и народ, наделенный такой душевной силой, завоевет свободу. Вот главная мысль спектакля, и театр шло, смело, не боясь, что его обвинят в условности, и гиперболизации жизни, выражает эту мысль близкими для своего творческого облика средствами.

Артисты Театра драмы создали сильные своей правдой образы, которые крепко врезаются в память, в которых прежде всего воплощена идея спектакля. Но не это важно, как режиссер, задав тон всему спектаклю. Ведь можно поставить «Дорогу свободы» и не так, и поставить тоже хорошо. Но Оклюков иначе не мог — и в этом художественная сила спектакля, его неповторимое своеобразие.

Года три тому назад к руководству Ленинградским театром Ленинского комсомола пришел молодой режиссер Г. Товстоногов. Тем, кто следит за работой этого коллектива, ясно: театр, в прошлом разложившийся и безжалостно, постепенно обрывает свой творческий облик.

Что радует в творчестве Г. Товстоногова? Свежий взгляд на каждую новую работу, неприятие каких бы то ни было готовых образов, смелые поиски своего собственного толкования и воплощения пьесы. Это сказалось уже в первом значительном спектакле театра после прихода Товстоногова — «Из яскры...» Х. Дадляни. Пьеса, в центре которой находил образ молодого Сталина, глубоко вовлеченная зрителя в сочетание прозаичной простоты, верности жизни и романтического пафоса, которым овеян спектакль.

Думается, что в этом сочетании — творческая особенность Театра Ленинского комсомола. Желание в простом, жизненном явлении подчеркнуть героичность, романтику подкашивает и художественные приемы, выразительные средства. Убедительный пример — последняя работа театра: постановка «Габели эскарды» А. Корнейчука.

Финальная сцена. Революционные моряки эсминца «Берчь» по приказу партии затопили суза Черноморского флота, дабы они не попали в руки врага. Сейчас пойдет на дно и «Берчь». Как передать идейный смысл финала и сложные чувства героев, по-человечески скорбящих о том, что собственными руками они предали свое судно? Вероятно, есть много решений этой художественной задачи. Г. Товстоногов решил ее по-своему и решил смело, волнующе. Это хорошо. Но тут же следует упрекнуть Г. Товстоногова в том, что сам он недостаточно поверил своему мастерству, искусству актеров, уму и чувству зрителей. Вслед за этим волнующим финалом, являющимся идейным и художественным итогом всей драмы А. Корнейчука, режиссер, стропит второй финал, которого нет в пьесе и который, право же, не нужен: группа моряков, ставших нехотенками, — под красивым флагом, — устремлена в бой. И здесь уже нет живых людей, это декоративная картина под занавес, режиссерское приращение, в котором вовсе не нуждается зритель, и без того уже все понявший.

Желание режиссера поставить в финале точку над и, обстоятельно растолковать зрителю то, что им уже прочувствовано и понято, проявилось и в некоторых других спектаклях, в частности в зарисовочно-веселом, полном доброго юмора «Неаполом союзом». Хотелся посоветовать Г. Товстоногову освобождаться от некоторой диктаторности и деликатно поверить в творческую инициативу и деликатное чувство и яркой театральной формы, по которой он идет со своим одаренным коллективом. Остротой режиссерской мысли, изобретательностью приращенными и некоторыми

3. ПАПЕРНИК

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 96 9 августа 1952 г.

ГОЛЛИВУДСКИЙ КОМЕДИАНТ В ДАНИИ

Американскому киноактеру Денни Кэй голливудская фирма «Сэмюэл Голдуин» поручила роль знаменитого датского писателя Ханса Кристиана Андерсена в фильме о жизни автора всемирно известных сказок. С целью рекламы этой кинокартины Денни Кэй недавно посетил Данию.

Память Х. К. Андерсена свято чтится на его родине. Углубленные нами фотоснимки весьма наглядно показывают, какова «дань уважения», отданная памяти писателя американским «деятелем культуры»... Недалгое пребывание Денни Кэй в Дании ознаменовалось серией наглых выходок, носивших характер глумления над национальными реликвиями датского народа.

На снимке слева мистер Денни Кэй запечатлен в момент, когда он, лихо взобравшись на памятник Андерсену, установленный в Копенгагене, забавляет дурацкими ужимками толпу великовозрастных зевак и ребятишек.

Второй фотоснимок: мистер Кэй в домике-музее в городе Оденсе, где родился и провел детство великий сказочник. Киноактер хамски бесцеремонно улегся в кровать Андерсена, чуть было не обрушившись под тяжестью «оригинального» посетителя, накрылся зонтом, принадлежавшим писателю, и пачкает...

Эти кощунственные издевательства над памятью Ханса Кристиана Андерсена вызвали огромное негодование датской общественности. В редакции газет посыпались письма от датчан, выражающих свой гнев по поводу нахальных поступков визитера из Соединенных Штатов Америки. «Многие датчане теперь осознали», — говорится в письме К. Мортенсен, помещенном газетой «Политикен», — «каким образом пошла американская реклама, использующая датские культурные ценности и сильно распространенную склонность к некритическому низкопоклонству». Народ Дании возмущен наглым поведением голливудского комедианта.

Г. ОСИПОВ

ФЕЛЬЕТОН

Ваше сердце

Сэр... назовем его хотя бы Чарльзом Доу, проснувшись в самом радужном расположении духа. Пять лет он поспел генерал-губернатором Судана, а это в наш беспокойный век — срок немалый! Приняв душ и надев белый тропический костюм, генерал-губернатор вышел в сад и предстал приятным размышлениям. В саду цвели розы, а на безбрежной глади Голубого Нила сверкали белые паруса яхт...

«Если мы начнем, вате превосходительство, подсчитывать, что от каких ведомств получает деньги, — ехидно отпаривал Джеймсон, — то подсчет будет явно в вашу пользу... Однако надо принимать меры. Помощью, следует издать распоряжение, запрещающее нежелательным иностранцам появляться в Судане... Надо немедленно сигнализировать в Лондон...»
«Хорошо! Пишите шифровку: «Находясь полностью в окружении американцев, я не могу гарантировать сохранение Судана в качестве опоры британских интересов на африканском континенте. Прошу сделать соответствующее представление в Вашингтоне...»
«Не поможет, — уныло прошептал Джеймсон...»
...По мере того, как день близился к концу, настроение генерал-губернатора стало явно ухудшаться. Выйдя после обеденного отдыха на прогулку с миссис Доу, он увидел на каменной ограде губернаторского дворца огромную надпись: «Чарльз Доу! Убийца-африканцев! Воспоминание судьбы ваших предшественников — Гордона, Ли Стэка, Халлстона!»

Суданцы хотят иметь собственное правительство? Пожалуйста! Перемените вывеску! И наиболее видные чиновники британской администрации стали министрами суданского «правительства», остальные — советниками при «правительстве». Для успокоения общественного мнения в «правительстве» ввели даже несколько штатских секретарей из суданцев побочае. Теперь пусть кто-нибудь осмелится сказать, что английский генерал-губернатор Судана не демократ, что он не прислушивается к голосу народа, требующего самоуправления!

Сэр Чарльз с интересом читал докладную записку чиновника департамента внутренних дел, обследовавшего положение в одной из провинций Судана.
«Этот народ», — глубокомысленно заключил чиновник, — «любит надевать на себя одежду, как это делают цивилизованные люди, поэтому будет лучше, если он и впредь останется в этой варварской, примитивной обстановке жизни. В таком положении он будет лучше работать на нас...»

Другой чиновник, ведающий здравоохранением, предлагал срезать ассигнования на медицинское обслуживание в южных районах, так как там живут негры-язычники, которые все равно не верят в медицину и летят при помощи заклинаний...

«Прекрасно!» — сказал губернатор клерку. — «Запишите: повысить этим парням оклады за усердие и трезвость взглядов...»

Праздничное настроение Чарльза Доу не испортилось даже при чтении петиции Общества профсоюзных трудящихся Судана, требовавших повышения заработной платы. Распорядившись отклонить петицию профсоюзов и на всякий случай арестовать нескольких наиболее видных профсоюзных лидеров, сэр Чарльз решил позавтракать.

Но не успел сэр Чарльз подняться из-за стола, как в кабинет вошел запыхавшийся Джеймсон — вице-губернатор Судана. Зная пристрастие этому бесцеремонному лондонцу манеру — портить настроение генерал-губернатора всякими малопримечательными неожиданностями, сэр Чарльз насторожился.

«Снова американцы в Судане!» — возмущенно вскричал Джеймсон, бросаясь в кресло. — «Пять официальных. И еще семь неофициальных — прибыли тайком через эфиопскую и египетскую границы...»
«Джон Джеймсон!» — строго сказал генерал-губернатор. — «Вы получаете деньги от трех ведомств — от министерства колоний, от правительства Судана и, главное, от... Интеллигентен сервис (разведки) — Г. О. Однако я не вижу результатов вашей работы. Эти янки чувствуют себя в Судане, как дома, обделывают себя своим торговле, хлопковые и прочие дела, а с вас, как с гуся вода!»

«Безобразия!» — возмущился генерал-губернатор. — «Мои чиновники сообщают, что туземцы абсолютно неграмотны, а тут смотрите: на чистом английском языке...»

«Чарльз, с беспокойством спросила миссис Доу. — А почему здесь упоминаются имена Гордона, Ли Стэка и Халлстона?»

«Надо быть готовым ко всему, дорогая. Генералу Гордону местные жители отсекли голову и насладились ее на кол... Ли Стэка застрелили на улице... А губернатор Халлстон, мой предшественник, в 1947 году бежал от бунтовщиков-демонстрантов без передышки до самого Каира...»

«Последние слова сэра Чарльза потонули в шуме многочисленных голосов приближающейся толпы. Впереди шли суданские девушки с огромными букетами красных роз, которыми еще сегодня утром так умилительно любовался губернатор. В дружных рядах демонстрантов шагали делегаты докеров из портов Голубого Нила, железнодорожники Омдурмана, текстильщики Хартума, рабочие, студенты, батраки хлопковых плантаций. Они несли знамена Общества профсоюзов. Транспаранты извещали о начале забастовки...»

«Возгласы тысячеустой толпы потрясли стены губернаторского дворца: — Чарльз Доу, уберите себя в свою страну! Вы из Судана! Вы англо-американский империалист из долины Нила!»

Сэр Чарльз, став бледнее, чем его светлый тропический костюм, схватил за руку миссис Доу, и они оба исчезли в глубине зала...

«И долго еще сэр Чарльз и его супруга молча сидели в губернаторском дворце, с ужасом прислушиваясь к грому приближающегося народного гнева на улицах Хартума. Потом, когда демонстрация кончилась, они тихо вышли в сад. Теперь им было ясно, что вода в Голубом Ниле бурная, паруса яхт не белые, а красные, а розы в саду — колючие...»

«Не успел Чарльз Доу уснуть, наконец, после столь бурно проведенного дня, как в генерал-губернаторскую спальню всеял Джеймсон...»

«Читай!» — крикнул он, теребя губернатора за плечо и показывая какой-то документ. — «Еще один «сорри»...»

«Суданские политические партии «Аль-Ашига», «Национальный фронт» и «Национальный фронт борьбы», — растерянно читал Чарльз Доу, — приняли решение создать Объединенный фронт борьбы против английской политики в Судане...»

Недавно в английской печати промелькнуло краткое сообщение: генерал-губернатор Судана срочно вылетел в Лондон. Суданский климат, как установили врачи, для него вреден...

Конкурс Международного союза студентов

В конце прошлого года журнал «Всемирные студенческие новости» — орган Международного союза студентов — объявил конкурс на лучшее стихотворение, рассказ, очерк и фотографию, которые отразили идею борьбы за мир и за лучшие условия учебы и жизни студентов.

Получившего сообщения, в котором говорится, что жюри подвело итоги этого конкурса. В состав международного жюри конкурса входили: турецкий поэт Назим Хикмет (председатель), писатель Хуан Маринельо (Куба) и другие.

Первую премию жюри присудило Лю Бин-шану, студенту филологического факультета Чунцинского университета (Китайская Народная Республика), а рассказ «Арест», повествующий о героизме китайских студентов в дни борьбы против гандианского режима.

Первая премия присуждена также Хозе Семпру за пьесу «Свобода 34-м из Барселонского гнева на улицах Хартума».

Первую премию за фотографию получил Элвин Брукс — студент Берклинского университета за снимок «Эпилог в Саалфельдене близ Инсбрука». Этот снимок показывает нападение представителей вооруженных сил США на участников 3-го Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Короткое сообщение, опубликованное в датской газете «Берлингске Аftenavis» 21 июня 1952 года: «Фашистский знак в европейской армии?»

В заметке говорится:

Berlingste Aftenavis
Hagekors i Europahæren?
BONN. LÖRDAG AP
Forbundsregeringen har nedsat et særligt Udvalg, som skal træffe Bestemmelser om, hvorvidt tyske Soldater i den planlagte Europahæer skal have Tilladelse til at bære de Dekorative, de har erhvervet sig i to Verdenskrige. Udvalget skal ogsaa drøfte, om Soldaterne skal kunne bære Hagekorsdekorationerne, saa Uniformerne, eller om de kun maa bære Ordensbaandene.

«БОНН, суббота. Ассошиэтед Пресс. Федеральное правительство * создало специальную комиссию, которая должна определить, в какой мере немецким солдатам в планируемой европейской армии будет разрешено носить награды, полученные ими во время двух мировых войн.

Комиссия должна также обсудить вопрос о том, будут ли солдаты иметь право носить на военных формах награды с изображением фашистского знака или же только орденские ленты.

Окончательное решение этого вопроса зависит от президента Теодора Хейса, который в принципе уже высказался за то, чтобы солдатам было дано разрешение носить их награды.

Приводим заметку, появившуюся в № 19 западногерманского журнала «Дер шпигель» за 1952 год:

EINE GELDSAMMLUNG für die Errichtung eines Gedenk-Panillons zu Ehren des ehemaligen amerikanischen Besatzungs-Landwehregenerals General McArthur in Tokio nahm ein Mitglied Ende. An Spenden kamen insgesamt 222 Dollar herein. Für die Propagierung der Sammlung hatte man indessen 2000 Dollar verausgabt.

«Сбор средств в Токио на сооружение мемориального павильона в честь бывшего американского оккупационного командующего генерала Макартура закончился весьма плачевно. Сумма пожертвований достигла в общей сложности 222 долларов. Между тем на пропагандирование сбора средств было затрачено 2000 долларов.»

Комментарии излишни!
* Имеется в виду западногерманское «правительство» Аденауэра.

УОЛЛ-СТРИТ ЗАТЯГИВАЕТ ВОЙНУ В КОРЕЕ

Н. НОВОСЕЛЬСКИЙ

Больше года тянутся переговоры о перемирии в Корее. Вопрос об обмене военнопленными вот уже несколько месяцев служит, как известно, единственным камнем преткновения для заключения перемирия. 1 июля американские делегаты заявили, что они не стремятся к такому решению вопроса о военнопленных, которое в разумной степени отвечало бы интересам обеих сторон. Но когда по предложению ускорения переговоров были начаты закрытые заседания, американское военное командование пошло на новые неслыханные злодеяния: оно подвергло бомбардировке аэропорт в районе Ялуцзян, предприняло беспримерный варварский налет на Пхеньян, совершило вторжение в воздушное пространство Северо-Восточного Китая.

После неудач такого военно-дипломатического «нажима» американская делегация предприняла новый маневр, попросту отказавшись заниматься обсуждением стоящих на повестке дня вопросов. Стало ясно, что американцы используют закрытые заседания для затягивания переговоров. Тогда корейская и китайская сторона предложила возобновить открытые переговоры. Однако на первом же открытом заседании, 26 июля, глава американской делегации генерал Гаррисон односторонне объявил 7-дневный перерыв. 4 августа Гаррисон предложил объявить новый 7-дневный перерыв в переговорах — до 11 августа.

Нока Гаррисон тормозит переговоры, Пентагон продолжает политику угроз. На днях командование военно-воздушных сил США объявило о своем намерении «уничтожить» 78 городов в Северной Корее. Так, затягивая до бесконечности переговоры о заключении перемирия, американские империалисты одновременно усиливают свою варварскую «отчаянную войну» против корейского народа.

Страна получает картина! Делегаты США, «медленно посещая», усаживаются за круглый стол конференции, демонстрируя этим, казалось бы, свое намерение вести переговоры. И в то же время переговоры о перемирии в Корее не движутся с места. Объяснение тут может быть только одно: учитывая мирные настроения американского народа, уолл-стритские империалисты вынуждены под напором общественного мнения согласиться на переговоры о перемирии. Однако их заветной целью всегда оставалось продолжение войны в Корее, которая нужна им, как неиссякаемый резервуар кровавых прибылей, как один из постоянно действующих факторов разжигания военной истерии.

Намерения уолл-стритовских поджигателей войны почти каждодневно выбалтывают их верная служанка — американская реакционная печать. Так, например, американский журнал «Юнайтед Стейтс нью энд Уорлд рипорт» обыкновенно пишет то, о чем предпочитают не говорить вслух американские дипломаты. Это неизменно: круг его читателей составляют, как правило, те самые наживавшиеся на гонке вооружений монополии и биржевики, которым война в Корее нужна, как воздух.

Разумеется, война в Корее служит объектом пристального внимания журнала «Юнайтед Стейтс нью энд Уорлд рипорт». В специальном разделе «Завтра. Взгляд вперед» из номера в номер публикуются «прогнозы» событий в Корее и перспективы военной конъюнктуры в США. Тон и содержание этих предсказаний не оставляют никакого сомнения относительно того, что заключение перемирия и, тем более, установление мира в Корее отнюдь не входило и не входит в расчеты Уолл-стрита.

Вот взятые в хронологическом порядке откровения высказывания этого рупора монополий.

4 января: «На Дальнем Востоке 1952 год будет еще одним годом напряженной обстановки и продолжающихся «малых войн»...»

18 января: «Война, а не мир — вот программа для Кореи...»

25 января: «Перспективы на заключение перемирия в Корее уменьшаются, а не увеличиваются... Если переговоры будут продолжаться, США смогут, ведя войну с небольшими потерями, начать создавать свои неприятельским огнем крупную армию...»

В феврале корейской и китайской стороне удалось все же добиться в Пхеньяне чужие урегулирования большинства спорных вопросов. Неразрешенная осталась только одна проблема — о военнопленных. Сердца всех простых людей на земле снова озабочены надеждой — прекращение войны в Корее как будто близко. В этот момент журнал «Юнайтед Стейтс нью энд Уорлд рипорт» издает своим постоянным читателям, что «перемирие в Корее, кажется, стало ближе», но тут же посещает успокоить американских торговцев смертью: не волнуйтесь, опасность не так уж велика!

29 февраля журнал писал: «Перемирие в Корее — это еще не мир... Если перемирие будет заключено, это не будет означать,

что наши солдаты отправятся домой. Корея будет нуждаться (! — Н. Н.) в крупных американских гарнизонах...»

Американская сторона, стремясь любым путем затануть переговоры, выдвинула — явно с расчетом получить отказ — незаконное требование так называемой «добровольной репатриации» военнопленных корейцев и китайцев.

И 4 апреля журнал лякует: «До сих пор нет никаких признаков, что переговоры о перемирии в Корее закончатся чем-нибудь. Безрезультатная война в Корее может продолжаться и в период президентских выборов...»

16 мая: «Война в Корее... будет продолжаться. Переговоры о перемирии близки к срыву. Достижение перемирия, которое всегда было сомнительным, ныне в высшей степени невероятно... Упало бизнеса, который предсказывали на 1953 год в случае заключения перемирия, станет менее вероятным, если война будет продолжаться... Вооружения играют и будут играть роль главного стимула. Пока будет идти война, расходы на вооружения не подвергнутся сильным сокращениям.»

И, наконец, 6 июня — новое циничное откровение, разоблачающее подлинные намерения американских поджигателей войны: «Переворужение будет продолжаться. Мобилизация молодежи в армию тоже... Есть признаки, что война в Корее разгорается снова. Планы на перемирие как будто бы исчезли. Фактически перемирие никогда не было реальной перспективой.»

А в номере, вышедшем за неделю до этого наглого признания, «Юнайтед Стейтс нью энд Уорлд рипорт» поместил статью, озаглавленную: «Как пойдет война дальше», в которой откровенно излагает план продолжения войны в Корее, по меньшей мере в течение ближайшего года. При этом журнал достаточно прозрачно намекает, что и этот год не будет последним годом войны в Корее.

Готовясь к развязыванию «большой войны», усиливая с каждым днем гонку вооружений, американские монополии не скрывают, что война в Корее даже в ее нынешней форме во многом их устраивает. Главное, с их точки зрения, «достоинство» войны в Корее то, что это «затяжная» война, позволяющая им поддерживать в Соединенных Штатах и во всем американском блоке атмосферу военного утара и истерии неопределенно долгого времени. Война в Корее — это «дорогостоящая война», дорогостоящая для американского народа и, следовательно, весьма прибыльная для г.г. капиталистов!

Он в руки газет не берет. Походив по дымному белому свету, Он знает, что Геттельбе в газетах врет.

И когда к Берлину издалека Русские прорывались войска, Он знал, что это возмездие идет. Его настали, ему грозил, И этот неотвратимый прихот Остановить нельзя. Но вот совершилось: Он пришел, Те, кто считались его врагами, Взломал неправду его земли Танками и штыками, — И он, поднимавший на них автомат, Не убил, не брошен в тюрьму, Берлинский городской магистрат Предложил работу ему.

Он — табельщик. Место нашел свое. Учился пошел одиноким солдат. Десятник — он строит людям жилье, Возводит Осткомбинат. И если жизнь посмотрит по годам, — Вся она делится пополам. Вместе с домом, который построил он, С домной, поднятой из земли, Новая правда, новый закон В сердце его вошел. Никогда он в будущее не глядел Так спокойно, как в эти года, Никогда он песен таких не пел. Не был счастлив так никогда: Не господином в не рабом — Хозяином стал он в краю родном. И новая боль сжимает грудь, По ночам не дает уснуть: Германия — родная страна — Надево расщечена.

А он — немец всем существом своим И не может быть никем другим. Он хочет, чтобы всюду один был закон, Чтоб за Эльбой жили так же, как он, Чтоб в Руре смеялись в каждом доме, Чтоб из Гамбурга ездил в гости к нему.

Чтоб любой, кто желает людям добра, Имел работу, был счаст.

— Эрих, ты спишь? Проснись, пора! Нет, он не спит. — Эрих, вставай, — ему говорят, — За окнами Сталинград.

Он вскопал, как пружина, собранный вес. Он каждый камень узнает здесь. Он отыщет стену, трясина след — Прошло так немного лет.

Он и окону кидается. А за окном Белый пятиэтажный дом. На стеклах солнечный огонек. Балконы обвил зеленый вьюнок. А рядом дома еще лучше, чем этот. Прочного камня, веселого цвота. Силует завода-богатиря... Он не помнит, он был или не был? Это трубы «Красного Октября» Дышат в весеннее небо. А улицы зелено люются на Эриха — Дерево к дереву, дерево к дереву. Он отшел от окна пораженный

За сто лет меняются так города. — Нет, — сказал он, — это не Сталинград.

Я не был здесь никогда.

Тополя, тополя и акации рядом. Каждый дом, каждый тополь — Бессонный труд. Над Волгой солнечным Сталинградом Немцы идут. Немцы идут там, где только что вырос Новый дом, новый цех, новый сад. Вместе с другими улицей Мира Идет одинокий солдат. Площадь Победы. Волнение полно, Бьется сердце. Дрожит рука. Эрих видит окно. За которым небо в облака. Не здесь ли? В глазах от солнца режь. Он ищет приметы... Нет, не здесь. Он трогает черную стену рукой. Весь Сталинград был тогда такой. Рядом с черною стеною сирень в цвету. Эрих идет по проспекту Сталина. Впереди еще окно в пустоту.

Главный редактор К СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

Но это строика, а не развалина. Немцы входят на стройку. Что здесь растет —

Театр, гостиница, школа? Эрих одной рукой берет Кирпы большой и тяжелый. Пот вылезет из лбу. Торчать Стучат виски, стучат виски. Как мог он радоваться, что врачи Его оставили без руки! Как руки сейчас на земле нужны, Чтоб не было больше войны! Он в стену кирпич кладет с трудом — Пусть дружба до конца укрепит. Женщина со строгим лицом «Спасибо» ему говорит. Женщина... Стать ее легка, Хоть руки знали много труда. Ей, должно быть, нет сорока. А она села, совсем села. Она глядит на него в упор Из-под густых бровей. Так же бесстрашен этот взор. Только глаза еще голубей. — Это вы, — задыхается он, — это вы... это вы...

Что он хочет — немец с одной рукой? Он тельняшку рвет с головы. Смотрите, да он седой. Она не может его понять. Вдурт вставшего на пути. А он говорит ей тихо: — Мать, Прости... Сталинградское солнце, всю землю залвт.

Распушило сирень. С Волго-Дона доносится взрыв. Это мир. Это затрапанный день. И только от Волги в жару и в туман, В память дней, о которых забудет, С пьедесталов глядят на Мамаяв курган Таковые орудия.

Лев ОШАНИН

Баллада о немецком солдате

1. — Эрих, хочешь поехать в Советский Союз?

Поблудив от волнения и стыда, Тронув рукав, который пуст, Он шепчет: — Меня не пустят туда. А в памяти вой сталинградский метели, Стрельба из развалин, огонь от реки. Вновь мучительно заболели Пальцы левой руки. Пальцы руки, которой нет Вот уже девять лет.

Он смотрит вокруг — леса, бетон. Домна тянется в облака. — Я на работе, — говорит он. — Ничего, заменим пока.

Советский Союз велик и широк. Исподлобья смотрит безрукий солдат. — По какой поезде мы из доруг? — По той, которая в Сталинград.

Крепок воздух весенний в горек на вкус. Секретарь приконулся к плечу. — Эрих, хочешь поехать в Советский Союз?

— Хочу!

2. Поезд идет. Километры летят Дорогой недавних битв. Ночью, пока его сплунить спят, Одинокий солдат не спит. Солдатом он стал в восемнадцать лет. Мимо сожженных сел. Вместе с другими кровавый след Его в Сталинграду вел. С детства ему объяснили, что он Миром править рожден. Что дело его итти вперед.

На нинги стихов — «Сталинград-Берлин», написанных в 1951—52 гг.

Что низшая раса вокруг живет. И он бежал вперед в темноте С автоматом на животе.

Города и села навстречу летят — Человеческий мирный быт. Пока его сплунить ночью спят, Одинокий солдат не спит. И снова встает на его пути Та, что руки скрестила тогда. Ей, должно быть, нет тридцати, А она села.

Женщина смотрит на них в упор Из-под густых бровей. — Проклинаю вас и ваших сестер И родивших вас матерей!

Жена партизана, босая в мороз, Стоит в крови тряпиче. Герр оберст, бросив бесплодный допрос, Выстрелил вдруг в нее. Куда бы ни шли они с этих пор — Гремело из всех дверей: — Проклинаю вас и ваших сестер И родивших вас матерей!

Он глядит из окна в ночную тьму. Нет прощенья ему. Перед каждой катой он виноват. Где нет отца, где мать села, — Он — чужой незваный солдат. Убивать приходивший сюда.

Он потным лбом к стеклу приник. Тяжел непомятый стыл. — Какое головной проводник — Третья ночь одинокий не спит.

3. Сталинград! Он был давно уже взят, Если сводкам берлинским верить, Когда с маршевой ротой свежих солдат До него добрался Эрих. Глотки спиртом залил им И, пьяной гурьбой Проведя по снегам, по ходам земляным,

Сразу бросили в бой. Ему приказали: «Убей! добей! Все в пепел, все в прах и в тле!» Перед ним дымилась груды камней, Глазницы черных стен. Сталинград не было. Но он был. Разрушенный он стоял. Каждый камень гранатой и пулей бил. Каждый стуброг стрелял. Внезапно, вспыхнувшая озарена, Навстречу ему качнулась стена. Его из траншеи рвануло вперед. Забил землю рот. Что это — бомба? Огонь навесной? Взрыв гранаты ручной? Он не знает, не помнит.

Дымный рассвет. Только сутки он здесь. Он жив или нет? В белой тьме вокруг не видно ни зги. Метель скрывает ли это шаг? Ему повезло, как ему повезло — Обмороженный был он отправлен в тыл.

В полевом лазарете, войне на зло, Кто-то руку ему отхланил. Он пришел в себя. Губы его солонны. Нет руки, значит нет войны. Нет войны, значит он живой Возвратится в Берлин домой. Одинокий заснул споконным сном. И во сне ему снился дом — Котенок мурлычет, свет горит. Не окопы — кофейник паром дымит. Через два часа он проснулся в поту. Каждый день надо стягивать пояс все туже.

На любом заводе, в любом порту Одинокий летает, кому он нужен! С детских лет ему объясняли, что он Миром править рожден. Но мир не захочет спину подставить. Это Эрих знает теперь наизуток. Да он никому не желает править. — Дайте парню работу и хлеба кусок. Он в Берлине. Голод стучит в окошко. В бомбоубежище путь неидеал. Мать не дождала — умерла под бомбежкой.

В инвалидной команде скуден паек. Будущее? Его для Эриха нету. Что в мире?